

Ткоба-иерди: (К вопросу о культурных связях Ингушетии и Грузии)

Ткоба - иерди: (К вопросу о культурных связях Ингушетии и Грузии) // Вопросы истории искусства:

Исследования и заметки: Т.2 / Георгий Чубинашвили. - Тбилиси, 2002

Взаимная родственная связанность большинства племен Кавказского культурного мира в доисторические времена может теперь считаться признанной и неоспариваемой, – как на основании языковых материалов, так и этнографических данных. Что же касается культурных связей Грузии с граничащими с нею родственными народами, живущими за Кавказским хребтом, в историческое время, то наши сведения до крайности скудны и мало выразительны. К этому следует добавить, что сведения грузинских историков о ранних столетиях, взятые со времен Сенковского, Шопена и Патканова – собственно, без критики – под подозрение, только с трудом добываются реабилитации. В результате сорокалетней, непрестанно углублявшейся и расширявшейся критической работы над источниками, которую проделал покойный И. Джавахишвили, и по его же почину, – грузинская историография вступила теперь в новый этап своего развития. Поставлена задача учета и осторожного использования тех случайно уцелевших сообщений, – почти обмолвок историков, – которые дают возможность восстановления отдельных этапов пройденного исторического пути жизни грузинского народа и связанных с ним родственными узами других насельников Кавказа. Таким образом, сегодня нет надобности обходить молчанием сообщения о связях первых грузинских царей с дурдзуками и вообще с “родней с севера”¹, о вовлечении их в совместные военные операции против врагов с юга, о брачных узах правителей Грузии с таковыми Дурдзукетии и т.д., так как новейшие разыскания установили, что грузинский историк Леонтий Мровели не только автор второй половины XI века, но и что он пользовался древними письменными источниками², как и другие поименно известные или анонимные авторы. Связь Грузии с государством дурдзуков – по древней терминологии (удержавшейся, впрочем, до XVIII века) которой охватывается вся чеченская группа, включая ингушский народ, устанавливается, таким образом, в политическом отношении вполне определенно с первых же шагов грузинской государственности. Такие сообщения всплывают в царствование Парнаваза, Саурмага, Мирвана, затем в конце I века нашей эры, при Мириане в IV-ом, в начале VI-го века, и при первом эрисмтаваре Гуараме в третьей четверти VI-го³. Попутно сообщается о разгроме и строительстве крепостей и городов⁴, о создании ряда укреплений, загораживающих проходы по ущельям от натиска кочевников с Севера, помимо Дарьяльских ворот, причем и в Дурдзукетии, т.е. именно в Ингушетии, поименно указываются такие ворота в Парчуане: ღბოთი [ჯაბო] ჰარჭუანს დურძუკეთისსა⁵. То, что по поводу борьбы третьего царя Мирвана, как показал П. Ингороква⁶, в текст включен для описания его боя около ворот в Дурдзукетии отрывок из народного эпоса, только еще пластичнее выявляет наличие тесной культурной связи интересов обоих народов. Все это позволяет, заставляя нас, полагаю, представлять себе культурный уровень горских народов Кавказа более или менее аналогичным с уровнем государственности и культуры Грузии того времени. Правда, несомненно, что ведущая роль оставалась имению за Грузией, но только при наличии близкого культурного уровня обоих народов возможно было единое понимание общественно-государственных задач, понимание общности интересов и необходимости соединенной защиты, как от кочевников северных равнин, так и от деспотий юга. А это было возможно, конечно, только при относительно одинаковой высоте уровня культуры обоих народов. Когда позднее сказалась деградация, общий культурный регресс, т.е. когда наступил до некоторой степени разрыв в культуре обоих народов, чем характеризуются поздние века (видимо, с утерей государственности горскими народами) и, в особенности, совсем близкие к нам XVI, XVII и XVIII века культурного упадка даже самой Грузии, тогда и картина политической жизни ярко отражает расхождение, такой же разрыв. Как уже отмечено, материала у нас чрезвычайно мало, и он очень разрозненный. Вот почему естественно, что каждое пополнение его обещает интересное уточнение картины культурных взаимоотношений. Материалом для настоящего сообщения служит одно из древнейших архитектурных зданий Ингушетии – церковь Ткоба-иерди, расположенная в верховьях р. Ассы. Правда, оно было уже и раньше известно, но не было ни хронологически, ни по своему характеру настоящим образом определено⁷. Обследование храма Ткоба-иерди проведено мною в ответ на обращение в Академию Наук Грузинской ССР Народного Комиссариата Просвещения (НКПроса) Чечено-Ингушской АССР, тов. М.Д. Ченитиевой, от

12.11.1941 года (№ 01.1180): содействовать в деле оказания консультации и необходимых работ по охране, консервации и реставрации". Разразившая в те дни мировая война помешала исполнению намерений на уже отпущенные средства, и только через 25 лет, в 1968 году, приступлено к расчистке и консервации храма Ткоба-иерди. "Археологическими раскопками 1969 и 1970 годов, которые велись параллельно с реставрацией храма Ткоба-иерди, начался второй этап изучения этого выдающегося памятника христианства на Северном Кавказе", - отмечает археолог Г.Гамбашидзе⁸. При раскопках храма найдены: железные наконечники стрел, копьа, бусины из стекла и сердолика, фрагменты керамики и глиняной курительной трубки (датируемые автором поздним средневековьем), каменные детали орнаментального декора⁹. Настоящее исследование исполнено непосредственно после обследования, проведенного 21 и 22 июля 1941 года, и на III сессии Отделения общественных наук АН Груз.ССР доложено 20 октября и в Институте (тогда еще Секторе) истории грузинского искусства 8 декабря 1941 года. Обработка исполнена на материале обмера памятника, исполненного моим сыном, архитектором Нико Чубинашвили и на исполненном им же наборе фотографий, числом до 40. Так как исследование это осталось неизданным, оказалось возможным дополнить его данными произведенных в 1968-1970 годах реставрационных работ под руководством представителя Управления охраны памятников культуры Министерства культуры Грузинской ССР архитектора Л.Химшиашвили. Намеченные в этой работе вопросы для предполагавшейся расчистки памятника получили действительно свое решение. Обмер, исполненный после расчистки от завалов земли Л.Химшиашвили, равно произведенные во время реставрационных работ фото привлечены для дополнительного иллюстрирования, как и фото, исполненные в 1961 году по моему поручению сотрудниками Института Р.Шмерлинг и В.Долидзе. В верховьях на редкость живописного ущелья реки Ассы, в безлесной зоне, ввиду окруженной отвесно подымающимися горами Хамхинской поляны, на расстоянии около 15 км от ближайших хевсурских поселений Грузии стоит, сейчас развалина, здание христианского храма, называемого ღუმბა - ობრძო Ткоба-иерди¹⁰. Ткоба иерди расположен на пригорке около сел. Хейрах километрах в 1,5-2 от школьного Хамхинского интерната¹¹. Храм представляет собой очень ценную и интересную историческую постройку. Результаты обследования, выясняющего основные этапы истории памятника и его формы, составляют содержание настоящего сообщения; окончательное выяснение поставленных им вопросов, как нужно было ожидать от научного раскрытия памятника, особенно с южной стороны, и вероятного нахождения новых фрагментов его в земле¹², действительно осуществлено только через 25-30 лет. Храм представляет сейчас "однонефное" здание с фасадами на полную, высоту у стен и с большими частями карнизов in situ. Кроме того, сохранились еще от помещения с северной стороны части стен на небольшую высоту и прослеживаются отдельными отрезками линии стен от помещений с западной и южной стороны, составляющих одну общую с устоявшим средним помещением архитектурную композицию трехцерковной базилики¹³. Помимо разрушения значительных частей всей композиции (равных примерно до половины объема всего строительства) сохранившееся сооружение носит на себе яркие черты трех строительных периодов, причем и второй, и даже третий из них считались с предлежавшим им, пришедшим в разрушение, памятником. Другими словами, не только использовались детали, но, в известной мере, изменения нового строительства приспосабливались к предыдущему положению. Архитектурные формы Ткоба-иерди в целом и его орнаментальный и фигурный декор указывают на принадлежность памятника к кругу грузинского искусства, но вместе с тем имеются черты индивидуального отличия, которые нужно считать локальными особенностями Ингушетии, так что можно считать все произведение продуктом творчества архитекторов из среды ингушского народа. Первоначальное строительство трехцерковной базилики относится, как я постараюсь ниже показать, к древнему времени - к периоду VIII-IX век. Второй строительный период хронологически определяется деятельностью первого архитектора храма Баграта в Кутаиси, т.е. переломом X-го и XI-го веков. От этого строительного этапа сохранилось много разных деталей, и к нему же относятся орнаментированные карнизы. Третий строительный период совпадает с периодом позднего ингушского строительства, которое документируется башнями-домами, то есть падает на эпоху с XV-XVI века начиная. Этому периоду история обязана тем, что памятник дошел до нас хотя бы в таком виде, как мы его видим, то есть это была по существу работа восстановления, ремонта здания. Она касалась как восстановления кладки стен снаружи, так и, в особенности, создания на месте провалившегося свода нового перекрытия. Последнее вызвало создание по продольным стенам для опоры трех своеобразных ребер и включение деревянных балок между ними по

ингушскому образцу. Что собой представлял храм при первом его построении и каковы фрагменты этого периода? Храм был, по всем данным, окончательное подтверждение которых являлось задачей предстоящего и осуществленного раскрытия памятника, трехцерковной базиликой с западным обходом объединяющим боковые церкви. Видны слитное построение северной церкви с главной и западная половина северной стены сложенной из довольно крупных кусков слоистого плитняка и булыжника, то есть уцелевших от древнего периода¹⁴. Задача раскрытия памятника от завала землей, проведенного в последние годы Л.Химшиашвили, подтвердили это положение. Обход сохранился в нижних частях стен по северному и западному фасадам. Что же касается южной стороны, то на высоте примыкания северной абсиды здесь нет следов примыкания, а напротив того, правильный прямой угол. Ниже этого небольшого, в полметра высотой, отрезка здесь все было закрыто землей на общую высоту в 2-2,5 метра. Линия высоты завала землей обозначена пунктиром на чертеже южного фасада. Раскрытие, проведенное Л.Химшиашвили, выявило здесь выступающую на восток за линию восточного фасада капеллу, то есть, вероятно, построенную на месте первоначальной абсиды южной церкви. Стена ее тоньше стен обхода. А рядом с этой капеллой - другая капелла - тоже остатки позднее пристроенной, была видна и ранее, ср. план Нико Чубинашили. Еще на чертежах, посетившего церковь в сентябре 1811 года, Морица фон Энгельгардта намечена в восточной половине южного фасада, между главной церковью и прослеживаемой и сейчас самостоятельной капеллой, поперечная стена с арочным проходом¹⁵. Конечно, и план, и остальные его чертежи только рисунки наглаз, что типично для времени; впрочем, нужно еще удивляться, что он фиксировал все эти руинные частности, учитывая смелость его посещения (он ехал переодетым в ингуша!). Наличие арки или свода в этой части около стены средней церкви отмечено и в описании Вс.Миллера 1886 года¹⁶. Следоательно, еще и в середине 80-х годов и даже, быть может, в первые еще годы XX века¹⁷ с южной стороны можно было фактически проследить остатки здания в восточном конце. Далее на запад обмер плана Л.Химшиашвили показал не сплошную наружную стену южной церкви (со входом), а шесть арок на квадратного сечения столбах. Начинается аркатура с углового западного устоя и в восточном конце имеет отрезок стены. В то время как на чертеже расчистки плана храма Л.Химшиашвили показал заворот наружной стены с запада на юг на всю ширину обхода, т.е. примерно 2-3 метра. Рождается предположение, что характер развалин не дает ясного ответа: кажется возможным предполагать остатки стены только с двойной или тройной аркой входа, как на ряде грузинских трехцерковных базиликах. Это предположение подтверждается косвенно наличием тут же за угловым устоем южного входа на западном фасаде. От обхода уцелели еще части, по которым можно установить, что входы были со всех трех сторон его. В уцелевшей наружной стене северной церкви прослеживается проход с плоской каменной балкой - перемычкой; проем высотой метра два. В западном обходе было три входа, отделанных декоративной резьбой по аркам. Из них средний обработан колонками и орнаментированной аркой, стоявшей еще в 1811 году (а может быть, еще и в 1886 году); а северный, по данным Вс.Миллера, той же ширины и имел орнаментированную арку еще в его посещение (МАК. 1, рис.27)¹⁸ см.рис.2. Он приходится проти в северной боковой церкви. Несомненно, что симметрично северному входу расположен и южный вход с запада¹⁹. Мотивы резьбы по аркам своеобразны и должны быть отнесены к древней эпохе. Согласно обмеру после расчистки южный вход с запада не сохранился без разрушения. Во всяком случае, судя по разбивке входов на западном фасаде, можно было полагать, что и южный фасад должен был отличаться представительностью, торжественностью и архитектурной выразительностью, подобно западному - наружная аркатура все это определяла. Выведен храм из материала двух видов. Снаружи лучше всего дает представление об этом восточный фасад, сохранившийся, можно сказать, не пострадав. По углам здания правильные квадраты известнякового туфа-ширими. Остальную плоскость стены составляют плотные, большие и малые, положенные вразброд, но все-таки добиваясь впечатления правильных горизонтальных рядов, подобранных тут же на полях камни-булыжники, без отеса; кое-где дана прослойка из слоистого местного камня гор, железно-черного цвета. Тот же ноздреватый, пористый камень ширими. нарезанный более или менее крупными квадратами. применён, как видно по нескольким уцелевшим камням, и на западных углах храма, затем на единственно уцелевшем северо-западном углу обхода. Это известный из грузинской архитектуры древнего времени (особенно в Кахетии) прием и специфический материал, - легко поддающийся нарезанию пористый известняковый туф - ширими". Из него же сделаны и декоративные части здания резное завершение восточного окна, позднее, рельефы западного фасада и др. Внутри здания из этого материала сложены углы абсиды и вся арка,

выделяющиеся от остальной стены правильностью нарезанных и отесанных квадров, тогда как примыкающие поверхности стены абсиды и нефа выведены из мелкого неровного и необработанного булыжника. По-видимому, стены внутри были оштукатурены, но следов росписи не заметно. Интересно отметить, что по заверению окрестных жителей ширины в ущелье Ассы неизвестны. Так же думали и прежние поколения, судя по записанным полвека назад преданиям уже первыми исследователями ингушской этнографии, как Чох Ахриев, о построении Ткоба-иерди, да и некоторых других зданий, согласно которым "камни для постройки возили из Тифлиса"²⁰. Между тем, еще М.Энгельгардт в 1811 году отметил, что "мелкие квадры известняка и песчаника" достаются недалеко от укрепления так называемых Ассинских ворот²¹. То же подтверждает и современный автор Ренгартен, говорящий о "мощных накоплениях травертинов" - вернее о ширины и о применении его в постройке Ткоба-иерди²². В отношении строительных приемов в древней части храма видны в двух местах длинные пустоты от деревянных балок, проложенных в толще стены во время кладки ее: одна идет из восточного окна на юг, а другая из северной абсиды также на юг. Применение таких деревянных связей в толще стен и также с восточной стороны установлено и в Ксанском Армаз, постройке 864 года. Глядя на стоящие сейчас развалины и учитывая последующие значительные реставрации, нужно многое себе представить, чтобы получить картину начального облика Ткоба-иерди²³. Во внутреннем пространстве главного храма устояла, сохранив совершенно неповрежденным древний облик, только вся абсидальная часть с аркой и конхой и небольшая часть примыкающих к абсиде продольных стен (примерно до высоты приабсидных капителей). Общий вид абсиды вполне типичен; своеобразный декор представляют импосты на ее углах, при пяте арки. Они имеют простую форму широкой полочки и гладкой под скос поверхности под нею, украшенной мотивом ложек, примеры применения которого в Грузии зарегистрированы с Болнисского Сиона и до начала VII включительно. По полочке же расположился своеобразный мотив плетение жгутом из массивных, сочных, гладких валиков. Ни мотив, ни прием исполнения прямых аналогий не имеет, но характер в целом перекликается с четырьмя большими декоративными плитами, случайно размещенными сейчас по фасадам Руисского собора²⁴, иначе с западной капителью Самшвильдского собора²⁵ и т.д. По раскрытию абсиды от завалов земли, как видно на плане и разрезах Л.Химшиашвили, вскрылось несколько уступов помимо пристенной скамеечки. Замыкающие пространство храма прямоугольным залом остальные стены сильно изменены в периоды различных ремонтов и реставраций; это пространство было, по-видимому, слегка расчленено по продольным стенам тремя парами пилястр с подпружными арками под коробовым сводом храма. Установить это с полной несомненностью невозможно: в местах отхода северных ребер от стены, в глубине их, как будто можно различить выступы из плоскости гладких стен (но полной в этом уверенности нет). Несколько древних капителей использованы во встроенных поздних ребрах главной церкви (см. ниже сноска 37). В главный храм вели три входа - с трех сторон, из боковых церквей и обхода²⁶. О внутреннем пространстве северной (боковой) церкви можно только сказать, что на восток она оканчивалась абсидой с окном и нишей справа. на углу абсиды был, судя по выступающему вперед ободранному ширины, импост. Интересной частностью является создание в толще стены между двумя абсидами глубокой и расширяющейся в конце, невысокой ниши помещения для хранения предметов культа; примерно на высоте человеческого роста она плоско перекрыта сплошными горизонтальными каменными балками на всем своем протяжении и на меняющейся ширине²⁷. Характерным для внешнего вида древней постройки является восточный фасад, как по характеру и исполнению кладки, так и по отделке окна. Это двойное окно, имевшее посредине столбик, как подтверждают сохранившуюся своеобразную форму всего навершия с двумя арочными прорезами на нижней линии рисунок М.Энгельгардта и описание 1781 года, сделанное Штедером²⁸. Боковые притолоки были украшены по внешнему углу вписанной в него полуколонкой и затем полосой из своеобразного варианта орнаментального мотива, известного в Грузии в древнее время до VII века включительно. Из закругленных линий здесь сделаны прямо идущие как бы остросеребряные веера, а верхнее звено выделено дополнительным рисунком, как завершающее. Глубокие складки этого мотива покрашены красной краской²⁹. Само навершие обведено сильно выступающей, когда-то профилированной аркой, в которой находится большая плита все того же ноздреватого камня - ширины с рельефными фигурами³⁰. Нижний обрез этого поля выделяет две арки, декоративная полоса которых имеет ближайшую параллель в украшении также двойного южного окна в храме VIII века в Цирколи³¹. Рельеф в этой арке состоит из двух сюжетов - трех фигур слева и двух справа: Самсона, раздирающего пасть льву.

Равновесие в распределении достигается тем, что левая крайняя фигура стоит ниже других, на отвороте арочки, и подносит на вытянутых руках модель храма средней фигуре этой композиции; третья фигура, также обращенная к средней двумя протянутыми руками, помещена по центру всего поля и поставлена на треугольном возвышении, включенном между двумя арочками. Средняя фигура (Христос) отличается от остальных трех одеянием - длинным, на всю фигуру; имеет вокруг головы широкий диск и на нем, по-видимому, обломки рельефного изображения креста; фигура стоит, правая благословляющая рука у нее на груди. Самсон и оба ктитора в коротких (по колену) одеяниях, подпоясаны, и имеют отмеченное на груди треугольным вырезом верхнее одеяние; в остальном на одеждах почти нет складок. Как у Самсона, так и у подносящего храм ктитора на голове островерхая шапка (у Самсона - это видно по облому ее); второй же ктитор, по-видимому, с непокрытой головой. Ктиторы изображены бородатыми. Глаза сохранились у Самсона, - это врезанные длинные овалы с точкой в центре. Фигура льва, его задранный кверху хвост с шаровидным концом (он идет параллельно спине до шеи), как и расположение, напоминают львов из северной наддверной композиции церкви в Вале. Покраски, в отличие от орнаментальной полосы, на рельефах нигде не сохранилось. Интересно, что модель на руках ктитора изображает купольную церковь. К этим уцелевшим без изменения или разрушения частям храма и его убора древнейшего строительного периода, как двусоставный указанный типа стройматериал (ширими и бульжник); характер кладки, как по фасаду, так и внутри абсиды конхой; обработка двойного алтарного окна по низу арочками; орнамент вертикальных полос этого же окна; капители на углах алтарной абсиды своеобразным мотивом; наконец, как самый тип архитектурной композиции, уже перевалившей художественные вершины и идущей на снижение - нужно прибавить разные фрагменты резьбы, которые также, как я думаю, несомненно, относятся именно к древнему времени VIII-IX века. Таковы:

1. Фрагменты карниза с арочным мотивом лучше всего известным нам по карнизу барабана Мцхетского Джвари, постройки последнего десятилетия VI века, - в Ткоба-иерди мотив этот подвергся изменениям и дополнениям, что наводит на сравнение с параллельным явлением переработки этого карнизного мотива на Мачхаанской церкви IX века в Дигомском ущелье³².

2. Угловой горизонтальный камень с изображением парящего ангела, где на самом углу голова, а обе стороны по скосу вытянуты руки и над ними крылья, является карнизным камнем, лежавшим горизонтально на углу. Это - архитектурно древний прием: встречается, особенно редко, украшенный фигурами такой камень. Такой же мотив применен на углах древнейшей церкви Саперского монастыря и церкви Вале³³.

3. Арочные камни со своеобразным мотивом встречно расположенных ложек (каннелюр), разделенных массивным гладким и сплюснутым валом, также должны относиться к древнейшей постройке. Этот мотив встречается один раз на капители алтаря в церкви 864 года Армази Ксанского ущелья. Два таких камня в Ткоба-иерди использованы как перекрытие южной двери, причем нижнюю полосу ложек подтесали³⁴.

4. Такого же типа и размера арочные камни опять с другим своеобразным мотивом плетения из одной тесьмы звездообразных восьмерок использованы позднее в разных местах³⁵. Если сопоставить с этими двумя мотивами арочного украшения украшение арочного верха северной входной двери западного фасада, сохраненное в рисунке Э.Тулинцева 1886 года³⁶, приложенном к описанию Вс.Миллера, то предположение, что они обрамляли входы в западный обход церкви, напрашивается само собой. А использование некоторых из них в последней реставрации говорит о времени разрушения южной церкви и примыкающей части западного обхода.

5. К числу декоративно-строительных частей древнего сооружения я отношу также особого типа кронштейны, примененные сейчас в разных местах здания не по своему первоначальному назначению. Их семь штук. Только два из этих кронштейнов стоят. полагаю, на первоначальном же месте при пятах декоративной арки западного фасада. Остальные могли быть опорой подпружных арок в главной церкви, а может быть и венчанием пилястр. Судя по одному из них, вставленному в верху притолоки заложной северной двери из церкви, камень по длине, скрытой когда-то в толщу стены, имеет до 129 см, а по ширине конца с орнаментом - 40.5 см, при высоте в 38 см. Т.е. он был хорошо закреплен в толще стены. Боковые срезы этих кронштейнов совершенно прямые и гладкие. Узоры как основной подушки, так и широкой полочки над нею разные³⁷. Я знаю одну отдаленную аналогию к ним в древнехристианской постройке V века в Малой Азии. Это так называемая Джюманин-Джаниси, где такие же гладкие боковые срезы и где есть пояс, обхватывающий посередине подушку; но и сама подушка гладкая³⁸. Другая параллель отдаленно напоминающая формой подушки с отделкой и поясом

кронштейна в Ткоба-иерди, это приабсидная капитель в храме Бизти, расположенного выше Меджврис Хеви в Карталинии³⁹.

6. Здесь же считаю нужным остановиться на простых по форме консолях, на гладкой передней поверхности которых даны рельефом человеческие полуфигуры или животные и которые разбросаны - также совершенно случайно - по западному и южному фасадам. К сожалению, вопрос об их хронологическом определении я не считаю доработанным окончательно, таким образом, внесение их в этом месте (а не во втором строительном периоде) требует дополнительного подкрепления⁴⁰. Назначением этих консолей, скорее всего, могло быть поддержание подпружных арок под сводом главной, северной и южной церквей и западного обхода. Боковые стороны этих консолей имеют, как и крупные кронштейны гладкие срезы. Среди сохранившихся девяти таких консолей пять украшены очень близкими одна к другой погрудными мужскими полуфигурами в фас.

На западном фасаде правее двери консоль с хорошо сохранившимся рельефом стреляющего из лука, стоящего на одном колене. Тетива натянута со стрелой (размер 22x57 см). Костюм схожий с фигурами восточного окна. Лицо повернуто к зрителю. Он одет в короткую - по колено, если не короче - одежду; подпоясал, а ниже пояса спереди выделены вертикальные линии, пожалуй, скорее полы костюма, чем обозначение складок. На груди же выделен треугольничек такого типа, как сделан в костюмах ктиторов на рельефе восточного фасада. Ноги, видимо, в свободных штанах, перехваченных внизу у щиколотки; обувь как будто намечает некоторое удлинение и подъем носа, как и у фигур на восточном окне⁴¹. Левее двери западного фасада консоль с рядовой пол у фигурой размером 23x41 и 23x20 см. Третья подобная консоль левее и чуть ниже предыдущей с фигурой в нимбе, по-видимому, с виноградными гроздьями на боковых руках (к сожалению, сильно попорчены)⁴². Четвертая расположена рядом с декоративной аркой западного фасада, вне ее слева. Пятая консоль украшена пальметкой, и находится правее вне декоративной арки западного фасада, хорошо прорисована, построена и выполнена резчиком. Остальные четыре консоли на южном фасаде. Одна левее южного входа, сохранила изображение четвероногого хищника, вроде рыси, с настороженно поднятыми ушами. Вторая, находящаяся правее входа, - рядовая полу фигура. На третьей, находящейся сейчас под самым карнизом в центре южного фасада и наглаз меньших размеров, чем остальные, изображены два борющихся сплетенными передними лапами льва; таким образом, получается вполне симметричная композиция⁴³. Четвертая из этих консолей, так же наглаз меньше остальных и под пару предыдущей, имеет заполняющее всю переднюю плоскость изображение под крайним западным окном южного фасада. Из числа этих консолей изображение стрелка и животного представляются особенно близкими к рельефу восточного фасада. С другой стороны, полуфигуры имеют в одежде частые линии складок, сближающие их с рельефом западного фасада⁴⁴.

7. Точно так же еще два рельефа стоящих en face фигур я окончательно не решаюсь закрепить по времени за первым строительным периодом⁴⁵. фигура одного рельефа дана en face с воздетыми по сторонам руками позы оранта. Видимо - бородатая. Она в остроконечной шапке (ср. восточное окно) и в длинной, подпоясанной одежде. Поле с фигурой обрамлено прямоугольной рамой путем заглабления фона. Вторая фигура резана на обычном пористом ширими; она несколько больших размеров, чем предыдущая; фигура дана en face с разведенными в стороны руками; подпоясана; одежда ниже колен; шапка с острым верхом, кажется менее значительной, чем на фигуре первого рельефа⁴⁶.

8. "Около стен храма, снаружи, раскопано пять погребений... Погребения датируются второй половиной IX по XII век⁴⁷.

9. Особо следует отметить находку сломанного каменного равноконечного креста и каменной купели, которые, видимо, принадлежат раннему периоду истории храма. Найдено множество фрагментов строительной керамики: плоской двубортной желобчатой черепицы, антефиксов. На плоских черепицах имеется надпись древне-грузинским церковным заглавным шрифтом асомтаврили: "Христе, стрости (прегрешения) Арсени М". Надпись по палеографическим признакам датируется нами второй половиной X - первой половиной XI вв⁴⁸. Открытые расчисткой от земли главного храма фрагменты черепиц - одни, украшенные сильно выпуклыми крестами считаю, по аналогии с черепицами в коллекциях Музея Грузии из Урбниси, относящимися к основной постройке VIII-IX веков, а другие, с частями надписи, читаемой археологами из отдельных фрагментов, как фрагментов, как ღŦ ႠႢႦႦ ႠႢႦ (ср. сноску 70 и 90), относятся возможно, к последующему строительному периоду. По материалам этой первой художественной эпохи строительства Ткоба-иерди, как сказано,

совершенно несомненно, естественно и закономерно становится в ряд с памятниками грузинского искусства. Но, - и это было уже оговорено, - имеются в нем такие черточки, назвать прямые повторения к которым в Грузии я не могу. Такой переработки орнаментального мотива, помещенного на боковых полосах восточного парного окна, какая сделана здесь в памятниках Грузии мне неизвестно; точно так же и орнаментальный мотив абсидальных капителей и даже сама массивная, плотная форма их, равно орнаментальные мотивы арочных фрагментов с особенностями их построения, наконец, кронштейны с их особой, разнообразной декорацией и всей их формой настолько своеобразны и отличны от известных в Грузии, что все это можно и нужно отнести за счет локальных особенностей ингушского архитектурного творчества.

2

Второй период строительной деятельности в Ткоба-иерди вызван был, очевидно, произошедшим значительным разрушением храма, ибо на нем выведены целиком заново все карнизы. Как в парадных постройках Грузии развитой поры феодализма, они покрыты орнаментальной резьбой, сделанной по совершенно прямой поверхности. Карниз каждого фасада имел свой рисунок: угловые камни его сохранили украшение по каждой стороне разным узором, высеченным на одном общем блоке камня. По восточному фасаду карниз положен на повышенном, против первоначальной постройки, уклоне кровли, созданной из слоистых плиток (шифера), здесь был применен S-образный мотив, широкий и достаточно еще плоский; на северном фасаде - мотив, отмирающий в XI веке, прошедший до этого ряд вариантов, из них в Ткоба-иерди имеется начальный вариант; на западном фасаде мотив "пирамидальных" листиков, поставленных вряд то снизу, то сверху, наконец, на южном фасаде горизонтально продвигающийся на волнообразном стебле семилопастный листок. Высота этого карниза около 44 см, а самой орнаментированной полосы - 32 см, то есть разница с высотой карниза древней церкви разительная, - удвоена. Так сразу новая эпоха выступает с совсем иными требованиями к пропорции частей здания и с иным пониманием значения отдельных частей в общей композиции его⁴⁹. Другим столь же показательным проявлением этой второй эпохи, как и карнизы, является украшение западного фасада. В большой арке с резко выраженной подковообразной формой и с опорой на вышеотмеченных кронштейнах размещены фигурные рельефы, часть которых помещается и вне арки. Конечно, дошедшая до нас в рисунках и фотографиях прошлого века и на модели Е.Казюлина в Музее в Грозном, расстановка фигур пострадала и вся декоративная разделка носит в отдельных частях следы позднейшего ремонта, сделанного без всякого внимания к композиции. Но, по-видимому основные линии разбивки все-таки сохранены. Прежде всего, о самой арке. Она, по моему мнению, уцелела от древней первоначальной постройки. Ее сильный вынос вперед и простой профиль совпадают с приемом убора восточного фасада, а поддерживающие ее кронштейны мы и так отнесли к древней эпохе. Она намечает, в какой-то мере отвечая убору оконного завершения с восточной стороны, завершение большого окна, несомненно, бывшего и с запада. Но предлагать какую-либо реконструкцию из имеющегося материала невозможно. Однако, можно кажется, считать, что уже при восстановлении на грани X и XI веков окно с запада уступило место пышной, многофигурной, крупной композиции. Датированными ее являются две орнаментальные полосы, - одна вставленная между обоими древними кронштейнами и имеющая ближайшую параллель в орнаментальной полосе под двойным северным окном храма Баграта в Кутаиси. Другая орнаментальная полоса помещена на трехгранном постаменте для модели храма и состоит из того же S-образного мотива, какой применен на карнизе восточного фасада. Как уже сказано, это определяет эпоху гранью X и XI веков. Фигурная композиция этого фасада несомненно ставила себе целью затмить композицию восточного фасада. Здесь, как и там, основной темой являлось подношение заказчиком храма (его модели) Христу с надлежащим молением и при содействии посредников. То сочетание фигур, которое зафиксировано материалами прошлого века, позволяет примерно так читать связно всю композицию: Христос, сидящий на троне в центре композиции и по сторонам его две стоящие мужские фигуры. Левая, видимо, ктитор. Над Христом - модель подносимой ему церкви на постаменте. Над моделью помещена вне арки еще мужская фигура с каким-то жестом: левая рука через грудь на правое плечо, а правая держит внизу какой-то предмет перед животом. Несколько ниже его, тоже вне арки, два ангела. Кроме этих основных фигур композиции в пределах арки были еще камни с изображением руки архитектора с угольником, нескольких надписей грузинскими буквами асомтаврули и фрагменты древнего карниза арочками. По случайному расположению отдельных звеньев всей композиции, она особенно резко выпадает из серии рельефных композиций на отработанные

сюжеты из "священной истории" христианской легенды, и по полному отсутствию понимания задачи пропорционального построения фигур, далее по отсутствию показа - хотя бы совершенно условного - позы сидения, отличной от позы стояния, - этот рельеф отличается от известных нам рельефов на грузинских постройках так же, как и от рельефов над восточным окном Ткоба-иерди. Отличие его также и полная утеря, хотя бы традиционно повторяемой, но органически непонятной мастеру, пластичности фигур и голов от рельефов VIII-IX века на той же постройке. Фигура Христа, сидящего на троне, имеет за головой части рельефного нимба с разделкой креста, видимые с правой и с левой стороны; поднявшись непосредственно к рельефу видно и верхнее тябло креста, которое с земли видеть невозможно. Борода у него разделена врезанным остро снизу клином в ее заостренную форму. Руки на груди; в левой, пожалуй можно считать, что изображено евангелие. Трон широкий с подымающимися прямо гладкими ручками. У правой фигуры волосы и борода трактованы, как у Христа; из-за головы слева и справа прямоугольные уступчики; это, очевидно, повторение крещатости христового нимба (впрочем, вверху, над головой такого не видно не только с земли, но и при рассмотрении в упор, поднявшись к рельефу). Этот святой держит в протянутой перед грудью вперед к Христу левой руке крест, а правой держится за рукоятку меча, который горизонтально висит у него на поясе поперек фигуры. Как у Христа, так и у правой сохранившейся фигуры (а по фото были и у остальных двух) одежды трактованы частыми параллельными складками, имеющими характер линий и выступающими лишь при боковом освещении. Одежды длинные, условного покроя, то есть они воспроизводят просто картинные образцы. Ножки у всех трех фигур короткие, маленькие, едва выступающие из-под одежды⁵⁰. Левая фигура (по старому фото в Музее) имеет широкие за головой уступы креста с подвешенной гроздьё винограда. В остальном, голова (с бородой) изображена, как у других. В руках фигура, по-видимому, ничего не держит. Одевание такое же длинное, и все в густых параллельных складках, как у остальных двух, но не имеет пояса, а средняя вертикальная полоса одежды выделена. То есть это одеяние духовного лица, но не воина⁵¹. От фигуры над аркой сохранилась среди камней северной стены обхода верхняя часть фигуры с отбитой головой (размер плиты 67х60 см). Поза ее такая же, как у правого святого воина, т.е. правая рука сбоку на рукоятке меча, пересекающего горизонтально фигуру в параллель к протянутой влево перед грудью левой руке, пальцы которой видны на границе корпуса⁵². Отбитая голова этой фигуры хранится в Музее. Около головы этой фигуры нет ни нимба, ни какого-либо рудиментального подобия его. Так же и борода этой фигуры имеет правильную форму острого длинного клина, т.е. при сравнении с нею делается понятно, как мастер дошел до курьезного изображения освященного традицией и иконографией, но ему, очевидно, из реалий времени незнакомой, раздвоенной бороды Христа, перенесенной, естественно, им и на святых. Что модой времени была длинная, острым клином, борода, это подтверждают головы 964 года, изображающие небо, землю и Адама в нишах на фасадах храма в Кумурдо, равно, изображения неба и земли на южном фасаде храма Баграта в Кутаиси 1003 года и ктиторский портрет в Кумурдо⁵³. Модель церкви сохранилась вся по частям; орнаментированный постамент, на котором она стояла, и сейчас еще находится на месте, прямо над головой сидящего Христа. Как видно, с левой, сейчас оголенной стороны вогнанные в кладку части подтесаны. Купол модели храма хранится в Музее. Он отделан аркатурой на парных гладких колонках с перехватами вверху и внизу их и с оконным проемом в каждой арке; кровля конусом с ребрами; барабан купола выработан на всю окружность пластически и сплошь декорирован; часть одной стороны внизу отбита. Общая его высота 52 см, а высота отдельных колонок около 12 см; диаметр - 36 см. Основной же корпус модели находится внутри церкви. Эта модель, вырезанная из одного каменного блока с барабаном (только отбитым), типа купольного храма простого креста (*croix libre*), в каждом из трех высеченных в камне рукавов имеет по окну с декоративным навершием. Как и у постамент, так и у модели стесана боковая часть рукава, входившая в кладку стены. Высота до барабана 55 см, ширина отдельного рукава - 32, а общая высота всей модели около 65 см. Итак, характерно, что модель подносимого храма не только не передает частностей той постройки, которую она воспроизводит, но даже в корне расходится с нею и по архитектурному типу. То же самое касается, как отмечено выше, и модели храма в композиции рельефа над восточным окном, которая тоже воспроизводит тип купольного храма, что возможно, определило формы и этой, конкурировавшей со старым изображением, ктиторской композиции. Само это обстоятельство изображения купольного храма, однако, недостаточно для утверждения, которое делает А.Генко, говоря: "Отметим лишь, что всеми исследователями, начиная с Вс.Миллера, не замечено самое главное в истории интересующего нас

сооружения: ктиторское изображение на рельефе дает первоначальную форму сооружения крестообразного плана, тогда как наличный план - базиличный. Очевидно, Ткоба-иерди проделало существенную эволюцию основных своих форм"⁵⁴. Это неверно. Перед нами нередкий вообще случай совершенно условного изображения; но он ценен для нас, как показатель того, что грузинская культура считала именно центрально-купольную форму здания архитектурной композицией как *εἰσοχήν* - ведущей. Однако, нельзя не помнить, что предложенное толкование композиции на западном фасаде условно постольку, поскольку нет уверенности в том, что она сохранила без изменения первоначальный замысел художника; возможно, что при позднем восстановлении были не только заполнены плоскости между фигурами разными фрагментами резьбы, карнизов и т.д., но частично изменено и само расположение рельефов⁵⁵. Однако, предлагать какие-либо варианты реконструкции всей композиции и здесь не приходится за недостаточностью показателей. В заключение рассмотрения характера исполнения этих рельефных фигур, отодвигаемых на 200-250 лет от рельефа с фигурами над восточным окном и от других рельефов храма, необходимо подчеркнуть отличающие их черты. Если посмотреть в целом, то древние рельефы сохранили в себе больше пластической закругленности форм тела, чем рельефы западного фасада. Последние утратили сохранившийся еще у тех объем традиционной передачи; фигуры и лица их стали плоскими досками с прочерченными на них линиями, кружками, точками; пропорция частей фигуры - несуществующий в их творчестве показатель, поэтому ноги или расположение рук совершенно выпадают из связи целого. Между тем, на восточном рельефе такого режущего диссонанса нет. Самая прорисовка одежды на рельефах западного фасада частыми линиями, означающими складки, не только никак не отражает реального положения, но подчеркивает полную утерю воспоминания о связи с ними. Также и в лицах нет рельефа, а все вырезано в одной плоскости, нос, глаза, абрис волос по лбу, завиток уха, рот; глазное яблоко дано в двойном овале; волосы и борода не только особо не моделированы, но даже и просто не прорисованы⁵⁶. Как уже выше попутно отмечено, все это до известной степени является естественным следствием общего процесса и всего положения скульптуры отдельных эпох в европейском средневековье. Но вместе с тем в этих фигурах западного фасада и их общей композиции, мне кажется, мы имеем и известное отражение особенностей ингушского подхода у художника, как это было отмечено и относительно первого строительного периода. Другими словами, и это украшение, и переделка разрушившегося храма, проведенные на грани X и XI веков, представляются выполненными опять архитектором из местного ингушского населения, получившего с грузинскими зодчими общее архитектурное образование. Локальные элементы, мне кажется, проявились в светских ктиторских фигурах и в подгоняемых под них изображениях святых; затем в своеобразном сочетании воспроизводимых по готовым образцам частностей с передачей реальности; наконец, в пропорциях отдельных фигур и в построении всей композиции⁵⁷. К этому же историческому периоду развития грузинской архитектуры эпохи зрелого феодализма с перелома X-XI по XII-XIII и даже XIV века включительно, если не точно к рассмотренному только что периоду создания убора западного фасада и новых карнизов храма на грани X и XI веков относятся из рельефного убора сильно пострадавшие головы львов, выступающие со своими шеями из плоскости стен. Теперешнее их местоположение на южном и северном фасадах, конечно, совершенно случайно⁵⁸. В поле декоративной арки западного фасада находились также камни с грузинскими надписями. Это обстоятельство было особо отмечено уже первыми осведомителями о храме. О них упоминает Штедер в 1781 году короткой фразой: "надписи стали неразборчивыми вследствие выветривания"⁵⁹. Но М.Энгельгардт в 1811 году, предполагавший, что надписи грузинские, сообщает: "я старался при изготовлении рисунков и надписей добиться наивозможно большей точности, и преимущественно сличал копию надписей несколько раз с ними, исправляя ее, и опустил нечитаемые места; однако, может найтись тот или иной штрих или точка в незнакомом мне начертании письма, которые созданы не им, а выветриванием"⁶⁰. Надписи привлекли, естественно, внимание и Вс.Миллера в 1886 году. Он также дает рисунки их, для прочтения же обратился, как сам пишет, "в Тифлис к известному знатоку грузинской эпиграфики Д.Бакрадзе."⁶¹ Вс.Миллер и М.Энгельгардт дают также общий вид декоративной арки фасада (правда, оба со странным, но показательным искажением ее подковообразной формы в стрельчатую) и размещение в ней двух, довольно крупных, фрагментированных плит камня с надписями. В отдельном крупном воспроизведении надписей М.Энгельгардт добавляет еще небольшую третью (без очертания камня, находившуюся при правом изображении ангела). Д.Бакрадзе в ответе Вс.Миллеру кроме двух больших надписей приводит также (не одну, а даже две) маленькие,

обведенные кружком. Значительно дополняя начертание, присланное ему Вс.Миллером, он замечает, что эти надписи, описанные им “лет 15 тому назад”, (то есть примерно в 1870 году, молодым еще исследователем) не были им списаны “с тою точностью, с какою бы я их снял, если бы пришлось мне их видеть теперь. К тому же я списал их, не слезая с лошади. Вот почему снимок мой едва ли может быть вполне верным”. Вс.Миллер воспроизвел не только копии своей экспедиции, но и присланные ему перерисовки Д.Бакрадзе и перевод, предлагаемый им. Среди маленьких надписей - одну Д.Бакрадзе читает под вопросом: “Короникони 50” - 830 год. К ней он и в письме делает оговорку: “не знаю, верно ли я воспроизвожу год основания церкви 830, хотя характер письма и в списке, сделанном археологической экспедицией, и в моем указывает на глубокую древность”⁶². Можно, кажется, считать, что обе маленькие надписи, приведенные Д.Бакрадзе в кружочках и не отмеченные другими исследователями, находились, принимая во внимание рисунок М.Энгельгардта, на изображениях ангелов, которые сейчас находятся в святилище ближайшего к ингушской границе хевсурского селения Ахиели. Г.Читая любезно сообщил, что при посещении им сел.Ахиели,он эти рельефы осматривал и что на них действительно имеются грузинские надписи обозначения изображений, именно “архангел Михаил” и “архангел Гавриил”. К сожалению, записок своих Г.Читая разыскать не смог и потому точного воспроизведения подписей в их сокращениях не могу здесь привести⁶³. Таким образом, вполне прав А.Генко, что в одной из маленьких, виденных Д.Бакрадзе надписей, нельзя усматривать наличия даты, что, как отмечено, и сам Д.Бакрадзе допускал только условно. Тем ценнее для нас сегодня это доказательство верности глаза Д.Бакрадзе, перевидавшего массу памятников во всех частях Грузии, который не остановился перед тем, чтобы признать за нашим памятником древность IX века; это дано им интуитивно, а сегодня оправдывается, можно сказать, анализом. Две большие основные надписи, перевезенные в начале XX века в Музей, были прочтены несколько иначе, чем их читал Д.Бакрадзе - А.Шанидзе⁶⁴, высказавшемся при этом, что “надписи эти не древнее XII века”, (Об условно предлагаемых А.Генко для разъяснения своих замечаний чтениях на основании миллеровского материала можно упомянуть только для полноты; на самостоятельное значение они и не претендуют, как я понимаю). Чтения Д.Бакрадзе, как это полагал уже он и сам, сегодня не отвечают требованиям⁶⁵. Что касается чтений А.Шанидзе, то они, к сожалению, не приведены Л.Семеновым, а у себя А.Шанидзе не смог найти копий. Я привожу здесь вместо прориси фото обеих надписей и то чтение, которое после основательного искания нужного освещения для выделения углубленного напечатания букв, мне кажется можно установить. При ином освещении случайные углубления и пористость камня дают впечатление, будто дело имеешь с другими буквами, как это и видно на рисунках Д.Бакрадзе, Вс.Миллера, М.Энгельгардта и даже на разных с них фотографиях. Другими словами, я полагаю возможным вычитывать здесь следующее:

+1 C5III
спэът-М „ОС НЕФФ
CFT

"Х.Возвеличь патриарха Востока Мельхиседека, аминь." и "Х.Помяни душу Георгия епископа"⁶⁶. Тем не менее, мне все-таки кажется, что при фрагментированности надписей на этих двух камнях и плохом состоянии их, совершенно несомненного чтения едва ли можно добиться. Необходимо остановиться на исключительно важных грузинских надписях асомтаврული на камнях, некогда встроенных в стены храма Ткоба-иерди. Два из них хранятся в Грозном, в краеведческом музее. Одна читается так: “Христе, возвеличь патриарха Восток:: Мельхиседека, аминь” – в надписи, видимо, упоминается каталикос-патриарх Картли первой трети XI в. Мельхиседек I. Другая: “...помяни душу Георгия епископа”. При раскопках найдены еще четыре надписи. Одна из них читается так: “Во имя господи, помилуй”, другая: “Именем святого Георгия, я, Георгий епископ”, третья: “Христе, помилуй Мргвфи” (?); четвертую надпись из-за плохой сохранности не удалось прочесть⁶⁷. Какого же времени сами надписи? Каких-либо ярких показателей для того или иного времени я назвать не могу. Возможно, что начертание буквы Ⴀ (может быть и Ⴁ и Ⴂ), когда-нибудь и дадут более жесткие рамки применения того начертания, которое дано им в Ткоба-иерди, но пока это ничего не дает. А потому, мне кажется, естественнее связывать их с рельефами в арке западного фасада, то есть со всей строительной и украшающей работой по восстановлению храма на грани X и XI веков. Но, конечно, прямых показателей против отнесения их к XII-XIII веку я тоже привести не могу⁶⁸. К числу этих надписей нужно отнести также надпись, которую мы повстречали внутри церкви в июне 1941 года⁶⁹. Она сделана на арочном камне с орнаментальным

мотивом плетения восьмерками, который я отнес выше к древнейшей постройке и считаю предположительно происходящим от одного из наружных входов ее. Надпись сделана внутри арочного пролета - всех строк 7, они покрывают всю длину камня. С левого края оставлено сантиметров 5 гладких, а с правого - надпись различно подходит к краю. В строке по три буквы. По-видимому, вычитать хотя бы одно грузинское слово или выделить форму слова, похожую на грузинскую, в этой надписи, строки которой по всем данным полностью налицо, не удастся⁷⁰. Что и в XII-XIII веках в Ткоба-иерди проявилось активное строительство, то есть что эти надписи могли быть сделаны и в это время, мы отмечаем в связи с указанием на наличие рельефных львиных голов. Но еще явственнее это сказалось, как я полагаю, на основании рассмотрения двух карнизных камней с мотивом переплетающихся кругов и ромбов, хранящихся ныне в музее⁷¹. Я полагаю, что эти карнизные камни, доставленные из Ткоба-иерди, могли происходить от маленькой капеллы со склепом, пристроенной вплотную к южной неркви. Мы смогли установить только план стен этой капеллы, без выяснения дверей или окон в ней. Но на плане у Вс.Миллера указана дверь на север в южную церковь и две ниши - одна в абсиде и одна в северной стене капеллы⁷². Осторожная расчистка этой капеллы, как снаружи стен, так и внутри - тоже одна из важных задач предстоящих реставрационных работ⁷³. Л.Химшиашвили при расчистке двери на север в этой капелле не обнаружил.

3

Если архитектор второго строительства имел дело только с несколько разрушенным зданием и, придавая зданию облик современной ему архитектуры, бережно отнесся к тем частям и украшениям, которые уцелели, то это является опять показателем высокой культуры. До известной степени еще и в строительстве третьего периода - пожалуй, скорее из общего религиозного пиетета - сохраняются древние части, вернее, собираются даже все обломки. Как можно заключить из произведенного коренного ремонта этого периода, здание было сильно разрушено с западной стороны; все перекрытия не только главной церкви, но, по-видимому, и всего западного обхода с боковыми церквями также были разрушены. Восстановление, по-видимому, шло по указанной программе, - оно касалось только восстановления главной церкви, весь же обход с трех сторон оставлен на произвол судьбы, предоставлен постепенному дальнейшему разрушению, ряд стадий которого зафиксирован за последнее столетие с 1811 года в рисунках и фото. Руководство этой работой восстановления было не в руках обученного, профессионального архитектора, как мы это установили для строительства VIII-IX вв. и на грани X и XI вв. (да, кроме того, и XII- XIII веков в южной капелле), а только человека ремесленной, традиционной практики: разительное снижение культурного уровня совершенно несомненно, помимо общего экономического утеснения. Наиболее ярко этот ремонт сказался во внутреннем облике, ибо все своды восстановлены не хорошей техникой большой архитектуры, а методами башенно-крепостного строительства, какое сохранено до настоящего времени в подобных зданиях Ингушетии. Вместе одного общего коробового свода на подпружных арках, все здание разбито на узкие, поперечные отрезки, встроенные перед продольными стенами, - предположительно перед пилястрами первоначальной композиции - грузными, безформенными ребрами⁷⁴. Получилось четыре отрезка благодаря трем парам ребер; в каждом отрезке углы смазываются полукруглым контуром, который, естественно, создает затем при помощи напуска камней в углах овальное основание для перекрытия сводчатой формы; такие горизонтальные переемы, положенные наискось по углам, чтобы усилить уклон, сделаны несколько раз: верхнее отверстие перекрытий было, видимо, плоско накрыто крупными каменными брусками-плитами, судя по нескольким сохранившимся. То есть это не был настоящий свод. В отрезке перед абсидой полной овальности не получено, - ширина этого прямоугольника меньше других трех, а также значительно меньше выступают внутрь углы абсиды. Выносы абсидальных капителей использованы мастером для опоры начала свода в этом первом отрезке. Таким образом, эта часть перекрытия дает рисунок как бы полуовального расположения камней в рядах кладки. Та же система видна и в возведении ребер: поставленные друг от друга на расстоянии всего метров 2,5 при общей ширине здания в неполных 6 метров, они, начиная почти от пола, сложены с взаимным наклоном, который на общей высоте примерно в две трети приобретает благодаря напуску горизонтально положенных каменных балок плит форму стрельчатой арки. При начале этого арочного наклона в каждом из шести ребер использованы кронштейны с орнаментированными подушками и полочкой из древней постройки; длинные (метр с четвертью) концы камня уходят в толщу ребра. Однако, эти арки не сомкнуты в вершине, а имеют разрыв примерно в полметра, который

плоско перекрыт сплошной каменной плитой. Дополняют своеобразие общего впечатления внутри здания горизонтально установленные в проемах каждой пары ребер, а также кое-где и между ними, громадные отесанные деревянные балки в несколько ярусов, начиная с высоты роста человека. Это тоже проявление новых хозяйственных установок⁷⁵. Все перечисленные особенности этих ремонтных работ являются типичными в старых ингушских постройках святилищ и башен⁷⁶. Ремонт не только создал эти ребра, но восстановил в значительной мере внутренний покров самих продольных стен главного храма, к которым ребра приложены⁷⁷. Особенно сильно разрушение западной стены, которая изнутри вся переложена в третий строительный период. Она имеет в нижней части на высоту метра в полтора от земли утолщение; выше этой линии стена общей толщины и западает⁷⁸. К этому же ремонту относятся и все четыре южных окна храма - это небольшие щели, примитивной формы, полученной простым опиранием двух камней от древней постройки один на другой сверху отверстия. Они все сделаны в полосе начинающегося сводчатого перекрытия четырех отрезков⁷⁹. Точно так же и двери в главный храм, во всяком случае, их оформление, высота и ширина должны быть всецело отнесены за счет этого ремонта. Они также, как в большинстве поздних святилищ Ингушетии имеют полуциркульный верх⁸⁰. Западная дверь расположена даже не по оси здания и среднего входа в западный обход. Южный вход и по форме, и по использованию без смысла и с вынужденным стесыванием нижней части орнамента в этом арочном фрагменте снаружи входа, а северный - изнутри, где в западной притолоке резной камень (кронштейн) поставлен вверх ногами, - являются поздними, но сделанными, нужно думать, на старом месте. Фасады здания - южный, северный и западный - тоже отражают участие в их облике последнего строительного ремонта, но оно менее сильно внутри. Это только в собственном смысле починка здания⁸¹. По южному фасаду интересно отметить, как ремонтная работа примыкает, подлаживается под различную кладку сверху и внизу стены; с нижней линии окон вверх, можно думать, что стена почти целиком восстановлена⁸². По северному фасаду починки еще меньше; в основной кладке тоже различие нижней, то есть закрытой части стены северной церкви, сложенной из слоистых темных плиток шифера, от верхней, сложенной из крупных, неровных, без отеса булыжников, как и по южному фасаду⁸³. Только западный фасад и обе примыкающие к нему за углом части на метр-полтора ширины по южному и северному фасадам дают картину полного поновления⁸⁴. Они сложены из темных слоистых плиток шифера, ломанных тут же из скалы; фасад, нужно думать, стоял к моменту ремонта развороченный и с проломами. Впрочем, в нижней, примыкающей к декоративной арке и при этом закрытой обходом части, он был, конечно, также сложен из этих плиток шифера, как и оба продольных фасада, и только все восстановление вверх и вокруг декоративного панно, сделанное из того же материала, восстановило стену. Тогда же, конечно, починено и декоративное заполнение арки разными фрагментами и установлены (на старые ли места?) рельефы вне ее⁸⁵. Мне кажется, что мастер этого ремонта, подобно архитектору перелома X-XI века, также оставил свою "подпись" на здании - это прочерченное на камне изображение жертвенного животного с крестом на спине (𐌖𐌔𐌋𐌐𐌔), аккуратно заключенное в такую прочерченную рамочку⁸⁶. Итак, в этом ремонте применяются совсем иные методы, иная техника, чем раньше. Это, именно, приемы, характерные для башенных, рядовых строений, не задающихся задачами большой, художественной архитектуры. Так выполнены перекрытия, так сложены проемы дверей арочнообразной формы и, наконец, южные окна. И в технике кладки стен сказались те же приемы: как и в ингушских башнях-домах, стены сложены на растворе только по наружным частям, внутри же кладка без раствора сухая. Это прослежено Нико Чубинашвили с крыши Ткоба-иерди, равно в других местах:верху и внизу стен. Наконец, и покрытие кровли в этот период, кажется, можно считать, было не черепичное, как в оба первых периода, а из сланцевых (шиферных) пластин, из которых делались прослойки в крышах башен, усыпальниц и т.д.; обломки таких плиток валяются на сводах храма. Рассмотрение постройки Ткоба-иерди, хотя бы такое сжатое, какое здесь дано, показывает совершенно отчетливо высокий культурный уровень населения. Только на базе высокой культуры возможно было приступить к осуществлению такой задачи. Ткоба-иерди есть архитектурно-художественное произведение высокого качества, как по общему композиционному построению, так по строительной технике, выбору и использованию материалов, так, наконец, по взвешенному и обоснованному применению декоративных частностей. Поэтому предположить, что по воле какого-либо вторгнувшегося в страну завоевателя могло возникнуть такое здание, невозможно: оно лишено крепостного значения; оно возведено высоко в горах, непосредственно у начала перевала через Кавкасиони - главный Кавказский хребет,

то есть думать о насаждении таким способом христианства тоже невозможно, так как такое предприятие в неподходящей по уровню культуры среде было бы обречено на гибель, и до нас не дошло бы. Помимо этого, устойчивость, а не случайность такой высоты культурного уровня доказывают предпринятые в последующие - за возведением здания - столетия реставрации и украшательство. Исследование памятника, кроме того, дает нам в руки материал и для суждения об изменении общего характера культуры народа в разные периоды его истории. Таким образом, сомнение в принадлежности коренному населению Галгая - ингушам этой постройки невозможно. Архитектурно-художественный анализ памятника при сравнении его с памятниками исторической грузинской архитектуры показывает общность основных моментов и в этом художественном произведении. Самый тип храма - трехцерковная базилика - является показательным примером творчества, равно известным с VI века в древнейших образцах по всем районам грузинского культурного мира от побережья Черного моря до Эретии на крайнем востоке включительно. Также сравнение позволяет совершенно определенно установить и период, к которому относится возведение Ткоба-иерди. Это эпоха VII-VIII веков. Таким образом, в Ткоба-иерди мы имеем хронологически как бы венчающее звено для сообщений древних историков об общности и горских народов, в частности, дурдзуков, то есть чеченских народностей, включая ингушей. Эти сообщения, как упомянуто, распределяются на целое с лишним тысячелетие предшествовавшего Ткоба-иерди исторического времени. Правда, в них ничего не говорится о христианстве дурдзуков, но факт этот нашел свое отражение в известной арабской версии жития Григория Просветителя, являющейся, по словам издателя Н.Марра, переводом памятника VII-VIII века, где упоминается не только о распространении Григорием христианства в Дурдзукетии, как разъясняли название "дрзкит" Н.Адонц и особенно И.Джавахишвили, но и об установлении там епископства⁸⁷. То есть, во всяком случае, в эпоху написания жития распространение христианства являлось фактом не сегодняшнего дня. Естественно тут напомнить, что кроме Ткоба-иерди в той же горной Ингушетии уцелело еще несколько небольших церковных построек⁸⁸, а в ущелье Терека при Дарьяльских воротах, охранявших в древние времена дурдзуками, сохранилась базилика той же эпохи, что и Ткоба-иерди, именуемая Кавказским Сионом, с кафедрой хорепископа⁸⁹. Для понимания выдвигаемого здесь толкования является исключительно знаменательным, что Ткоба-иерди построено именно в VIII-IX веке. Ведь это в истории Грузии период политической депрессии (иноземной), арабской оккупации. А между тем, оказывается, что, несмотря на это, в Ингушетии возводится внушительный, декоративно отделанный, христианский храм, носящий на себе все признаки того, что он закономерный продукт грузинской культуры в одном из его локальных выражений. И действительно, нельзя здесь не подчеркнуть, что в художественном творчестве Грузии этот период выделяется именно как период трепетного, нервного, напряженного творчества, искания и борьбы, что является отличительным после спокойствия, гармонии, кристальной ясности и закономерности памятников грузинской классики в предыдущую эпоху. Следовательно, вся культурная ситуация в Ингушетии не претерпела какого-либо изменения своего курса в связи с исключительностью политических событий; христианство, которое само является для этой эпохи показателем высокого развития культуры, ознаменовало фактом построения Ткоба-иерди свой новый подъем. Таким образом, отсутствие попутных упоминаний Дурдзукетии у последующих наших историков до начала XIII века ничем не отличается от такого же отсутствия данных об отдельных провинциях Грузии с коренным грузинским населением: войны являются почти исключительным поводом для сообщений, а повода для войн с дурдзуками не было. Взаимоотношения же этих государств, совместная работа над углублением своей культуры и над обогащением ее новыми творческими произведениями продолжались, как и раньше. Убедительным доказательством этого служит то новое украшение Ткоба-иерди, которое падает на перелом X и XI веков, то есть на первую ступень, ярко прогрессивную, сильного, объединяющегося грузинского государства в эпоху зрелого феодализма. К этому же времени, или к ближайшим за ним векам, относятся, по-видимому, и известные надписи Ткоба-иерди и другие, сделанные грузинскими буквами асомтаври, большей частью на грузинском языке, а частично, предполагается, на языке "Дурдзуков"⁹⁰. То есть законно предположение, что рядом с распространением грузинского языка и письменности имеет место приспособление грузинского письма для передачи родных слов. К этому времени, как любезно высказались, просмотрев фотографии грузинского псалтыря из Ткоба-иерди, К.Кекелидзе и А.Шанидзе, относится и эта рукопись, которая еще в XVI-XVII была живым элементом на месте, ибо к этому времени относится ее кожаный тисненый переплет⁹¹. Затем, она

сохранилась фрагментарно (6 листов) из смешанных чувств пиетета и суеверного страха⁹². Итак, эпоха перелома X и XI веков и на нашем памятнике (возможно, пострадавшем перед тем не только от естественных явлений, но даже и от злонамеренности человека) отразилась совершенно ясно и ярко. От эпохи XII-XIII века в Ткоба-иерди еще имеется, как было отмечено, след строительного расширения и украшения. В оба первых периода на храме сделаны были рельефные изображения ктиторов, заказчиков - по одежде судя, они светские персонажи. Очевидно, это обстоятельство должно иметь, что сказать о политическом и социальном строе тогдашней Дурдзукетии. Ибо, едва ли верной будет картина отсутствия у них "фиксированных в правосознании социальных подразделений (в своей среде)", как это излагается, исходя, очевидно, от состояния в последнем столетии быта чеченцев⁹³. Мне кажется, в этом же направлении отражения сложного социального строя страны нужно понимать появление небольшой пристроенной капеллы (о которой сказано выше). Во всяком случае, историк царицы Тамары, сжато сообщая о поручении пресечь грабежи дидойцев и пхоэльцев, данном ею атабагу Иванэ, и о его маршруте через Хадисмта до межи между Дурдзукетией, с одной стороны, и Дидоетией и Пхоэтией - с другой, упоминает о содействии в этом походе дурдзуков, говоря, что "узнав о приходе атабага, пришли с дарами цари Дурдзуков, дали ему войско" и т.д.⁹⁴ Еще раз упоминается о военной помощи в 30 годах XIII века при царице Русудане против Джелал-Эддина⁹⁵. Этими случайными упоминаниями совместных, объединенных выступлений наличие государственной организации делается, кажется, также несомненным, как и показателями архитектурного и скульптурного порядка. Как пережиток этой же категории явлений представляется сообщение одного из местных стариков, что еще на его памяти участие в жертвоприношении в Ткоба-иерди и даже просто приближение к нему допускалось только для членов определенных селений, в то время, как другим из окрестных селений, в том числе и сел. Пуй, это не было дозволено⁹⁶. Существенно иная картина разворачивается при рассмотрении выявлений третьей строительной эпохи в Ткоба-иерди. Она, как выше отмечено, определяется в основном произошедшим отрывом от своего коренного культурного круга, именно от круга грузинской культуры. Это ознаменовалось резким падением не только художественных вкусов и требований, но и падением строительной техники. Она и для художественного произведения не подымается выше требований среднего уровня башенно-жилых зданий, разработанных впрочем по-прежнему в условиях общей грузинской культуры. Как форма четырехугольных башен, так конструктивные особенности их возведения, детали оформления проемов, устройство кровли являются общими для круга грузинской культуры начального периода этого позднего времени, так как условия, вызвавшие создание данной архитектурной формы, по своим функциональным нуждам были еще - по всем данным - одного порядка⁹⁷. Итак, тысячелетняя история храма Ткоба-иерди показала, при всем различии отдельных эпох, тесную, органическую общность культуры страны с грузинской. И, как мне кажется, это положение находит свое полное отражение и оправдание в подтверждаемом и редкими письменными сведениями факте принадлежности к единому кругу культуры, именно кругу грузинской культуры. Другими словами, это не соотношение влияния, воздействия и того или иного частичного усвоения каких-то элементов более развитой, ушедшей вперед культуры. Это просто совместная культурная работа, культурное творчество⁹⁸. А тем самым, кажется мне, упрощением реальной исторической картины утверждение относительно культурной "зависимости" горцев от "алан" в "период с I по XIII столетие"⁹⁹. Во всяком случае, на протяжении последнего тысячелетия, история которого отразилась на храме Ткоба-иерди, мы видели единство культуры в периоды и политического гнета арабов, и расцвета собственной государственности, и разложения поздних веков. Храм Ткоба-иерди, уже не как храм, а как памятник искусства и истории, послужил и в наши дни хотя бы поводом для тесного культурного общения Ингушетии и Грузии. Считаю нужным отметить, что 15 апреля 1941 года в Грузинскую Академию Наук поступило отношение из НКПроса Чечено-Ингушской АССР с сообщением о том, что "для необходимых реставрационных работ правительством отпущены средства, но приступить к работам нельзя, так как необходима авторитетная научная консультация на месте. НКПрос обращается к Вам за содействием в деле оказания консультации"¹⁰⁰. В Грозном, куда мы выехали 15 июня, выяснилось, что НКПрос обращался до этого в Москву за содействием в консультации; но ни одно из учреждений (Всесоюзная Академия Архитектуры, Исторический Музей), никто из работников реальной помощи оказать не смогли, - указание на арх.Засыпкина, работающего лет 10 по реставрации памятников в Средней Азии осталось, конечно, безрезультатным. Благодаря этой поездке осуществилось мое знакомство с Ткоба-иерди. Разразившаяся война, конечно, приостановила

исполнение реставрационных работ, но всю нужную консультацию, точное указание подлежащих работ и их характера мы с сыном еще успели дать. Последнее, что еще осталось за мной, это изложение задач, которыми определяются намеченные нами к производству мероприятия; его я не смог, из-за начавшейся войны, написать в Грозном. Они определяются данным выше анализом памятника. Так, совместными усилиями намечены пути, при помощи которых исторический памятник искусства - Ткоба-иерди - подлежит еще дополнительному раскрытию и таким путем за них будет обеспечена возможность дальнейшего углубленного изучения благодаря мероприятиям по его консервации. А вместе с этим тысячелетняя культурная общность переживает в наши дни свое возрождение.

Х.1941. и 1.1971 г.

* Почти весь иллюстративный материал этого исследования любезно предоставлен Гиви Гамбашидзе, руководителем проблемной группы изучения грузинской культуры, находящейся вне Грузии, при Центре археогических исследований, за что выражаем ему огромную благодарность (от редколлегии).

1. Картлис Цховреба. Список царицы Марии, издание Е.Такайшвили, Тбилиси, 1906. с.57, *38 (*ჩრდილონ ბათესაზნი*); с.33, *152. Картлис Цховреба, I, изд. М.Броссе, СПб, 1849, с.49.

2. П.Ингорква. Леонтий Мровели. Известия ИЯИМК, X, Тбилиси, 1941, с.95 и слл.

3. Картлис Цховреба, I, изд. М.Броссе, с.33 и 34, 48 и 51, 57 и 61, 163. с.21 и с.с.22 - пропущено в Списке царицы Марии. Картлис Цховреба, изд. Е.Такайшвили, с. II22, *132; с.22-23, *133; с.23-24. *134-135; с.32 и 36, *149-150 и 156, 44, 49 и 50, *171, 180, 182-185; с.190-191, 407-408, Е.Такайшвили. Описание рукописей (Опис), II. Тифлис, 1906-1912, с.723-724 (Челишская версия).

4. Картлис Цховреба, изд. Е.Такайшвили. с.56, *156.

5. Е.Такайшвили. Описание рукописей, (Опис.). Тифлис, 1906-1912, с.723-724; по А.Генко, Записки коллегии Востоковедов (ЗКВ), V, Ленинград, 1930, с.711-712 - подтверждается сведениями Беладзора и Ибн-ал-Факиха арабских источников о продвижении персов при Хосрое Амуширване на Кавказе до этих пределов. А.Генко выдвигает предположение, что под воротами в Парчваме скорее всего можно полагать Ассинские ворота, в развалинах уцелевшие ещё сейчас 100 лет назад они представляли еще большую силу.

6. Там же, с.101. П.Ингорква, там же, Известия ИЯИМК X

7. В дальнейшем изложении мне приходится попутно, при установлении тех или иных честностей, цитировать все касающиеся памятника работы. Отмечу здесь, что памятник также привлек к себе несколько лет назад внимание группы молодых архитекторов Ленинграда: обмер его, выполненный, кажется, тов.Катениным, впрочем, самый общий и, конечно, без учета выясняемых ниже пластов, был выставлен с рядом фото во время Второго декадника Ленинградского отделения ССА, посвященного зодчеству народов Кавказа, Средней Азии и Крыма в апреле 1959 года. Жалею, что я не имел материалов в руках, ибо они, конечно, упростили бы нашу работу.

8. Г.Гамбашидзе. Раскопки грузино-ингушского христианского храма Ткоба-иерди в 1969-1970 году: Тезисы докладов на Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 году. Археологические секции. Тбилиси, 1971, с.249. Ср. его же статью в "Литератури Сакартвело" под заглавием: "Ткоба-иерди - памятник грузинской культуры в Ингушетии", №25 (1794) от 4 июня 1971 года, а также его же статью в журнале "Декоративное искусство СССР", .N 7 (152) 1970 г.; и см. Отчет о реставрации Ткоба-иерди Л.Химшиашвили в сборнике "Дзеглис мегобари", №26, Тбилиси, 1971 (на груз.яз.).

9. Г.Гамбашидзе, Тезисы докладов, с.249.

10. В литературе известно русифицированное название Тхоба - иерды. Существующие объяснения самого названия, по-видимому, искусственны (*tgho* - двадцать, *bhā* - сто, *erdi* - святой, отсюда *tghobhāerdi* - "святой двадцати сотен" или "две тысячи святых": В.Алборов. Ингушское Гальерды и осетинское Аларды. Известие Ингушского научно-исследовательского Института Краеведения (Известия ИИК), 1, Владикавказ, 1928, с.376 и 353, Недавно археолог Г.Г.Гамбашидзе объяснил наименование Тхоба-иерды, как посвящение церкви святому Тома (Фома): *toma>toba>txoba*, т.е.название Тхоба-иерды следует переводить как Тома-иерды, то есть храм имени святого Фома (Научная конференция аспирантов и молодых научных сотрудников Института истории, археологии и этнографии имени И.А.Джавахишвили, тезисы докладов, Тб.,1972, с.17-19). Произношение названия различно: сколько я прислушивался, лучше всего его

можно передать грузинским начертанием *ტუბა ძეგლი* где для "а" нужно вставить "ä"; *ტუბა ძეგლი* как говорил один из присутствующих. Б.Алборов в цит. соч. отмечает, что последнее произношение это у джераховцев.

11. Нередко встречается указание, что церковь лежит около сел.Пуй. Однако, расстояние до него значительно больше. Сел. расположено за рекой при впадении в Ассу притока. Вызвано, вероятно, такое указание тем, что сторож Отдела охраны памятников поставлен из числа жителей сел.Пуй. Дорога от г.Грозного на машине часа 3-4 до сел. Мужичий, а оттуда вверх по резко поднимающемуся ущелью км 35-40 верхом до школьного интерната около Хамхи.

12. Во время работы на месте в июле 1941 года и в пути нам оказали готовное содействие Мурад Хакиев, директор местного Мемориального музея им.Серго Орджоникидзе, открываемого в сел.Мужичий, и Джебраил Горбаков, заведующий Хамкинским интернатом. Особенно нужным считаю отметить готовное внимание со стороны дирекции Краеведческого Музея и Научно-исследовательского института в г.Грозном, где среди других материалов была дана для ознакомления и статья В.Крупнова, заключающая обзор литературы о храме Тхоба-иерди и постановку ряда вопросов по его изучению. Она напечатана позднее, в 1947 году в Кратких сообщениях Института истории материальной культуры им. Н.Марра АН СССР, XV, с.116-125, под заглавием "Грузинский храм Тхоба-иерди на Северном Кавказе".

13. На рисунках в книге М.Энгельгардта издания 1815 года памятник в лучшем состоянии и основное здание и дополнительные помещения по трем фасадам.

14. На северо-западном углу обхода была видна ступень цоколя. На плане Л.Химихиашвили цоколь показан по всему обходу, с западной и северной стороны, а также по восточному фасаду, так как его нет по южному фасаду обхода, полагаю, что так обнаружено при расчистке. Внутри северного обхода в западном конце сохранилось начало свода.

15. M.von Engclhardt und Fr.Parrot. *Reise in die Krym und den Kaukasus. I, Teil, Berlin, 1815, Taf. VI.* Была ли это подпружная арка свода или арочный дверной вход - остается открытым.

16. "Южная стена церкви соединяется перпендикулярной к ней стенкой (в 2,52 саж длины) с другой пристройкой... В пространстве между южной стеной церкви и стеной пристройки видны остатки свода и заваленный камнями вход в склеп". В.С.Миллер. Терская область. Археологические экскурсии. Материалы по Археологии Кавказа (МАК) 1.Москва, 1888, с.16. На плане, приведенном у В.С.Миллера, МАК. I.С.Ю, рис.11, есть указания в этом же смысле; но этот план очень схематизован, и в основе его лежит только рисунок наглаз.

17. Основываясь на сообщении старшего научного сотрудника Чечено-Ингушского научно-исследовательского института Языка и Истории Д.Мальсагова о том, что макет храма передавая первоначально значительные части развалин вокруг главной церкви, снятые ввиду разрушения макета. Макет сделан примерно около 1902 года Е.Козюлиным, как следует из подписи внутри макета.

18. Ср.В.С.Миллер, МАК, 1, с.15, "внизу: ...остатки двух ворот, покрытых полукруглой аркой из плит, украшенных рельефными орнаментами". Однако, на рис.27 и 29, изображающих эти входы, только один (по обработке углов притолок это северный) имеет орнаментированную арку, от второго, среднего, рис.28, показана только левая притолока с частью стены, поднимающейся выше капители (без арки на ней). К.Г а н. Кавказский Вестник, Тифлис, 1900, №6, с.69, посетивший Тхоба-иерди в 1897 году, упоминает, что "притвор с колонками и боковой корабль, который с северной стороны примкнул к главному корпусу, совершенно развалились". В наше посещение 1941 года видны были боковые колонки в притолоках среднего входа и одна - северного, ни орнаментальной арки, ни капители на колоннах не было.

19. План в описании В.С.Миллера, МАК, 1, с.11. рис.10, делает резкий прямой очерк этой стены, но не смыкает ее, как сделал М.Энгельгардт, под прямым углом с юго-западным углом стоящей главной церкви. Не указывает ли такой ровный обрез на еще сохранившуюся часть дверной притолоки? Впрочем, на рисунке с юго-запада и М.Э.Энгельгардт изображает эту стену подходящей в прислон к храму и просто сложенной, без раствора, из отдельных камней. То есть скорее это была временная, сложенная из фрагментов стена, но не архитектурная часть древнего здания. Последних годов расчистка показала пролом на месте входа.

20. Сборник сведений о Кавказских горцах, VIII, Тифлис, 1875 с.20. То же и о церкви в Бархуме на р.Ассе рассказывается, что камни для построения ее возили "на ишаках из далеких чужих стран", там же, с.48. Такое же мнение местных жителей передает и В.С.Миллер,

МАК, 1, с.13; Г.Вертепов. В горах Кавказа. Терский сборник, VI, 1903, с.116-117 еще Н.Щеблыкин. Известия ИИК, II-III, Владикавказ, 1930, с.415.

21. M.von Engelhardt und Fr.Parrot. Reise..., 1, 230.

22. Известия Русского географического общества, VII, 1925, с.97.

23. Указанное только что разграничение примененного строительного материала двух видов затуманено, как на большей части фасадов, так и в соответственных им внутренних частях. На чертеже плана Л.Химшиашвили различной штриховкой выделяет различного времени части здания; некоторые в этом отношении замечания попутно сделаны и ниже. К сожалению, на чертежах фасада и разрезов Л.Химшиашвили вместо воспроизведения теперешней кладки, то есть древней и различных починок, придал условный, небрежный, беспорядочный всему вид.

24. Г.Н.Чубинашвили К истории Русского храма. Известия ИЯИМК, V-VI. Тбилиси 1939. рис.II на с или его же. Вопросы истории искусства, 1970. табл.73-1 и 2.

25. Нико Чубинашвили. Самшвилдский Сион. Тбилиси. 1969, табл.26. По стене абсиды сохранились обрывки скамеечки, сложенной частью также из ширими. Она была густо обмазана раствором, поверх которого слой в 0,5 см, окрашенный в розовокрасный цвет. По тону и общему виду напомнил аналогичный пол в беме храма Баграта в Кутаиси. На эту прослойку, очевидно, обратил внимание Л.Семенов, когда говорит об остатках облицовки красного цвета и бледно-розового, которую считает более поздней Известия Ингушского научно-исследовательского института Краеведения. I, Владикавказ, 1928, с.193

26. План Нико Чубинашвили. Северная дверь заложена, но ясно прослеживается изнутри; снаружи она почти целиком оказывается ниже уровня земли. На плане Л.Химшиашвили показаны как ниша в церкви, а не как заложённая дверь. Западная - сделана при восстановлении не на своем месте по центру, а сдвинута в сторону; она завалена камнями. Южная дверь тоже подверглась при позднем ремонте искажению, - только через нее (уже со времен М.Энгельгардта) попадают внутрь здания.

27. Штедер писал, что "у восточной стены расположены сводчатые ниши (gewölbte Bogen), заложённые камнями и имеющие будто бы подземные ходы, где хранятся церковные принадлежности и книги" (А.Генко. ЗКВ. V, 1930. с.734). Это говорит по всем данным, за то, что подобная же ниша имеется и с южной стороны в толще стены около абсиды главной церкви что, конечно, вполне естественно предположить. Возможно, что отверстие ее закрыто землей. М.Энгельгардт отмечает, очевидно учитывая приведенное сообщение Штедера, что "в сводах снаружи у восточного конца, большей частью разрушенных, я не смог ничего обнаружить" (там же, 1, с.259). В.С.Миллер же, МАК, с.16, упоминает только о северном "узком ходе, ведущем внутрь стены параллельно с алтарем". Обмер Л.Химшиашвили, проведенный после расчистки, не обнаружил с южной стороны аналогичной ниши.

28. Штедер пишет: "на восточной стороне находится два узких окна. (Tagebuch einer Reise, die im Jahre 1781 von der Gränzfestung Mosdok nach dem inneren Caucasus unternommen worden). Этот дневник напечатан без обозначения автора Палласом в его Neuc Nordische Beiträge, Bd. VII. St.Petersburg und Leipzig, 1797. Перевод отрывка, его описания Ткоба-иерди помещен А.Генко в исследовании "Из культурного прошлого Ингушей". ЗКВ.У 1930, с.733-734. О Штедере см. М.Полиевктов. Европейские путешественники XIII-XVII вв. по Кавказу. Тбилиси, 1935, с.210-211.

29. In situ находится только правая притолока. Так было уже при посещении В.Миллера, МАК, I, рис.15. Только низ этой притолоки, указанный у него на рисунке, исчез, как и все нижнее очертание окна. Что же касается левой притолоки восточного окна, то в наше посещение (21-22.VI.1941 г.) два фрагмента ее (один большой, другой малый) лежали среди наложенных на стену северного обхода камней, в восточной ее части.

30. Плита не заполняет всей арки и потому верхний отрезок заполнен кладкой из мелких квадров камня.

31. "Ars Georgica", I Тбилиси. 1942, Цирколи рис. 20-двойное окно. Г.Н.Чубинашвили. Вопросы истории искусства, I, Тбилиси, 1970, табл.49-2

32. Три куски его вставлены в разных частях южного фасада Ткоба-иерди; в арке западного фасада тоже три куска; один фрагмент на последнем северном ребре внутри церкви вверху, в арке западного фасада два куска поставлены по сторонам средней фигуры в плоскости фасада своей нижней поверхностью имеющей треугольные вырезы и дополнительную отделку. Высота этого карниза,

примерно 15-20 см. Еще два маленьких фрагмента с мотивом гладких, неглубоких конхочек и с прочерченными над ними двумя горизонтальными линиями может быть тоже фрагменты карниза. Один из них находится на южном фасаде вверху под карнизом и рядом с рельефом двух львов а второй - внутри на северной стене в последнем (западном) компартименте. Эти и подобные фрагменты подлежат осторожному извлечению во время предстоящей реставрации с целью дальнейшего исследования и музейной охраны.

33. Камень замечен нами среди наваленных над абсидой северной церкви; размеры его сторон 55 и 72 см. по высоте до 20 см.

34. Третий такой камень, не обезображенный подтеской, находится среди камней карниза на южном фасаде, ср. МАК, 1, с.25.

35. Один большой камень использован слева внизу, в поле арки западного фасада; другой - в "обрамлении" западного окна по южному фасаду; третий лежал (21-23.VI-1941 г.) внутри церкви, он имеет по соседней с орнаментом закругленной, то есть находившейся в пролете, стороне надпись грузинскими заглавными буквами. Кроме того, два обломка заполняют дыры в кладке поля декоративной арки западного фасада в правом нижнем углу и у головы правой фигуры. ср. МАК. I, рис.24.

36. МАК, I, с.16. рис.27. Узор капители на рис.28 невольно составляет параллель. Кроме того, и арочный фрагмент еще с новым мотивом, опять из одинарной, плотной ленты и шариков, сохранённый опять только зарисовкой - там же. рис.25 на с. 15 -представляется дальнейшим примером.

37. Подушка кронштейна с петлями (ложечными) и с пояском поперек, по полочке фестоны, - этот кронштейн помещен вверху последнего южного ребра внутри церкви; другой кронштейн с подушкой из трехленточных линий сетью, а по полочке язычки выемкой, - он вставлен вверху первого южного ребра. Два кронштейна одного рисунка: по подушке трехленточные круги, перерезающие друг друга в две полосы, ср.с мотивом навершия окна в церкви Диди Эредви, а по полочке ланцетки, как на предыдущем кронштейне, - они являются импостами для подковообразной арки на западном фасаде. Три кронштейна с кругами предыдущей пары по подушке, а по верхней полочке с четырьмя отдельно размещенными в ряд довольно пластичными гроздьями винограда, один из них вставлен в плоскость южной стены внутри в крайнем западном компартименте, другой - в притолоке северной заложенной двери внутри, а третий - на втором с востока южном ребре вверху.

38. Н. Rott. Kleinasiatische Denkmaler. 1908, Abb, 17

39. Г.Н.Чубинашвили. История грузинского искусства. Тбилиси, 1936, рис.153. Ars Georgica, 6, Тбилиси, 1963, рис.136 в статье Р.С.Мепишашвили.

40. Возможно, что окончательное решение вопроса сведется к выделению нескольких консолей (с полуфигурами), как позднее сделанных. Отмечу, что на западном фасаде имеется еще две неукрашенные консоли пирамидальной формы и немного меньшего размера.

41. Вынос этой консоли 16 см, высота по стене 21 см, высота полочки над рельефной плоскостью - 6 см, а размеры плоскости с рельефом - 22x37.

42. Эта консоль левее находящейся у западного входа слева; она сильно попорчена в левой части и у нее совершенно отбита правая часть. Левая при западном входе консоль имеет вынос на 20 см (вверху) и высоту по стене 25 см, что и высота скоса с рельефом. Левее декоративной арки западного фасада консоль тоже с полуфигурой на гладком поле. Две другие консоли находятся на южном фасаде: одна под крайним левым окном. Другая - правее входа.

43. Рассматривая фотографию, кажется, что не хватает части правой фигуры: быть может поэтому консоль казалась меньше других.

44. У К.Гана, Кавказский Вестник. 1900, №6, с.70, приведено указание ряда изображений этих консолей, столь фантастическое, что трудно понять, какие из них он имеет в виду. Однако, это не может указывать, с несомненностью, на утерю их, ибо и в описании других рельефов храма он чрезвычайно своеволен.

45. Они расположены в восточном конце южного фасада вверху на стене. Один из них сделан из темно-желтого плотного камня и вставлен правее крайнего окна. Второй рельеф резан на том же пористом ширими, что и большинство всех рельефов; он вставлен несколько левее первого.

46. Ср. рис.19 у В.С.Миллера. МАК, I. с.14.

47. Г.Гамбашидзе. Тезисы докладов. 1971, с.249 и 250, Несколько образцов стеклянной утвари из раскопок Ткоба-иерди опубликованы Г.Гамбашидзе в журнале Декоративное искусство СССР, №7, Москва, 1970, с.50.

48. Там же. Тезисы докладов, 1971, с.249.

49. Указанное распределение мотивов по каждому фасаду возможно благодаря тому, что сохранились, как указано, угловые карнизные камни, СВ и ЮЗ с двумя узорами каждый. В остальном - трех пятых всей длины карнизов сейчас нет на храме; шесть фрагментов давно свезены в Музей, а часть находится на земле или поодаль от храма. Впрочем, в стоящих на храме карнизах, довольно много случайных перестановок, сделанных, очевидно, при ремонте. Основной карниз восточного фасада с S-образным мотивом сохранился в трех камнях правого склона; затем один поломанный камень имеется по северному фасаду и три фрагмента его лежат тут же на земле; так же и по южному фасаду стоят два камня и два фрагмента этого карниза, а один фрагмент находится внутри храма. В Музее сохраняется один целый блок этого карнизного мотива в 44 см высоте и 58 см длины, и один маленький обломок (са. 20х20 см). Карниз северного фасада сохранился на одиннадцати камнях подряд и на обоих углах фасада (на правом углу еще два камня); тут же, на земле, один хороший блок; на западном фасаде еще один и два - на южном; еще один блок внутри храма и один - шагах в 150 на запад от храма. Один небольшой фрагмент от края квадрата находится в Музее, 50х36 см, с высотой поля в 30 см. Карниз западного фасада сохранен опять обоими угловыми камнями; один хорошо сохранившийся камень вложен в закладку входа (44 см высота общая и 32 см - поля); по южному фасаду использован один такой камень, треснувший на две части, и один большой фрагмент (44х54 см) находится в Музее. Наконец, карниз южного фасада с семилопастным листиком, ответвляющимся горизонтально от завитков стебля, сохранился на шести камнях, в том числе один угловой; один блок лежит на земле; один стоит на западном фасаде, три на северном и один над абсидой. В Музее также имеется один блок этого мотива (40х53 см при высоте пола а 29 см) и один сильно обитый фрагмент (30х40 см).

50. От левой фигуры сохранился *in situ* только нижний невысокий камень. Верхний увезен, как рассказывали на месте старики, лет 20 тому назад, то есть около 1920 года, хевсуром Гарсия Очиаури (или Вочиаури) из селения Ахиели, ближайшего к Ткоба-иерди, и поставлен в местной церкви. Также вывезены и оба рельефа архангелов.

51. Ср.рис. у В.Миллер, МАК, 1, даже у М.Энгельгардта. Всю эту группу, помимо макета, воспроизводит еще старая фотография (Владикавказ) размером 24х30 см, и другая (без подписи) размером 18х24 см, хранящаяся в Музее в Грозном.

52. Нижняя часть этого рельефа известна сейчас по модели и по старому фото в Музее. Как выясняется из слов Г.Вертепова (Терский Сборник, VI, 1903, стр.118 и 119), верхняя часть украшения западного фасада обвалилась примерно за промежуток в десять лет от 1893 до 1903 года, когда сделаны фотографом Л.Рогозинским снимки храма, ибо в противовес предыдущим посещениям Г.Вертепова в 1893 и 1896 гг., он в 1903 году застал "фасад уже полуобвалившимся". Ср.фототипическую таблицу к стр.118 по фото Л.Рогозинского с северо-запада, на которой не хватает ктитора, модели, надписей и руки с угольником, Обвал произошел, можно считать, за год до посещения Г.Вертепова в 1896 году и К.Гана в 1897 году, - Кавказский Вестник, №6, с.69-70 и таблица.

53. Памятники грузинской архитектуры, Н.Северов и Г.Чубинашвили. Кумурдо и Никорцминда. Москва, 1947, лист XII.

54. А.Генко, ЗКВ, V, 1930, с.737. Также ошибочна ссылка на пример Атенского Сиона, даваемая на основании статьи И.Джавахишвили в Христианском Востоке, 1, СПб, 1912, с.293-294. Впрочем, нужно отметить, что В.Миллер помянут А.Генко напрасно, ибо он на с., 15 совершенно категорически утверждает, что "барабан и купол (на храме) не уцелели, но о их существовании можно заключить из модели храма, представляющей обычный тип грузинских церквей". Те же слова повторил и Г.Вертепов. Терский сборник, VI, 1903, с.117. Это, выдвинутое А.Генко, положение, но еще увереннее повторяется в присланной НКПросу ЧИ АССР для напечатания обзорной статьи "Грузинский храм Тхоба-Ерды в Ингушии" Е.Крупнова (рукопись 1941 года), где высказано даже предположение, что над алтарной частью было возведено какое-нибудь особое куполообразное перекрытие, возвышающееся над гребнем крыши. Статья напечатана позднее, в 1947 году в Кратких сообщениях ИИМК имени Н.Марра, с.116-125 (цитата по с.121).

55. А может быть, даже и более того, если учесть положение камня с изображением руки архитектора с угольником (размер 50 х на около 44 см, при длине руки в 45 см) среди этих рельефов. Теперь камень этот лежит с северной стороны.

56. Это непосредственно прослеживается по экземпляру головы, хранящейся ныне в Музее в Грозном. Высота ее около 32 см. Покраски на этих рельефах нигде не заметно, так что или она окончательно погибла за последние десятилетия, или же показана на макете была просто по аналогии с покраской орнаментальных полос восточного окна.

57. В Ингушетии уцелело незначительное количество архитектурных памятников монументального характера. Поэтому, конечно, для сравнения с имеющимися в Ткоба-иерди скульптурами, почти нет материала. Только А.Семенов (Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1930-1932 гг. Известия ИИК, IV, вып.2, Орджоникидзе-Грозный, 1935, с.146 и 153-154) отмечает, что в наружную стену замка Евлоевых в селении Пялинч "между боевой башней и входом" вставлено каменное изображение мужской головы. Другое человеческое лицо вставлено на лицевой стороне так называемого святилища Тумгой- иерды, ныне попорченное, но еще воспроизведенное Вс.Миллером, МАК, I, с.34 и рис.49. А.Семенов называет, там же, еще каменную скульптуру головы на святилище близ сел.Ний и деревянную из святилища Тушоли.

58. Между вышеописанными двумя рельефами на южном фасаде, изображающими стоящие en face человеческие фигуры, выступает сейчас бесформенная голова льва, сделанная из ширими. Рядом с первым из этих рельефов справа другая такая же голова льва с сильным выносом и бесформенно выветрившаяся, но размерами раза в два меньше предыдущей. По тому же южному фасаду заметен, выше дверного проема, еще один какой-то сейчас бесформенно отбитый куб, сильного выноса; однако, по остаткам контура, едва ли была здесь голова льва. На северном фасаде также торчит, в его восточной части, на выпучившейся сейчас вперед части стены, голова льва, средних между двумя южными размеров. При большом выносе здесь еще отчетливо видно как она спереди сплюснута в одну плоскость, то есть что голова была только "рисована", а не пластически моделирована. Никаких других рельефов на северном фасаде не видно в отличие от макета храма в Музее.

59. Описание приведено в русском переводе у А.Генко, ЗКВ, V, 1930, с.734.

60. M. von Engelhardt und Fr.Parrot. Reise in die Krym und den Kaukasus, Bd.II, Berlin, 1815, S.240

61. МАК, I, с.19.

62. Вот почему мне кажется, что замечание А.Генко об этих чтениях Д.Бакрадзе: "что касается чтения надписей Д.Бакрадзе, то несостоятельность его ясна уже на основании того, что предлагается в издании Вс.Миллера" (с.736), - вызвана не объективным положением, а неправильной оценкой работы Д.Бакрадзе в целом. На это указывают как отдельные словечки ("добавляет сомнительное", "без малейшего основания" на стр.736, или о надписи с предполагаемой датой - "та пресловутая надпись" на с.755), так совершенно четко прим.3 на стр.736: "насколько надежны эти дополнения Д.Бакрадзе, судить сейчас трудно. Что он в своих чтениях не всегда свободен от промахов и фантазирования, выяснилось не раз позднейшими исследователями", и ссылка на исправления в изданиях Е.Такайшвили. Действительная оценка труда Д.Бакрадзе дана в словах Вс.Миллера, так сказать, отражающими оценку, данную М.Броссе. Мне кажется, что и неправильность указания расположения надписей, данного Вс.Миллеру Д.Бакрадзе, которое справедливо отмечает на основании сличения рисунков М.Энгельгардта и Вс.Миллера А.Генко, легко можно разъяснить из хода работы: Д.Бакрадзе не просто переписывал текст, а срисовывал себе точно начертание и расположение букв; на схематическом изображении западной стены церкви, присланном Вс.Миллеру, но не воспроизведенном, по которому Вс.Миллер пересказывает расположение надписей, вполне возможно, что не хватало места для врисовывания "надписи №2" и он вынес ее за арку, "на левой стороне от зрителя". Я особенно подчеркнул это положение, так как усиленное, как эхо, тоже незаслуженно опорочивающее Д.Бакрадзе мнение высказывается и в вышенамеченной сводке о Ткоба-иерди, данной в позднее напечатанной статье Е.Крупнова (см. прим.54).

63. Это и есть те рельефные камни, о которых соседние хевсурцы, как и местные жители, полагали, что они были привезены из Грузии.

64. См. сообщение в статье Л.Семенова. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1928 и 1929гг. Известия ИИК, II-III Владикавказ, 1930, с.385. Ни перевода, ни чтения он не приводит.

65. МАК, I, с.20 и рис.31-34; ср.еще рис.29 и 30.

66. Размеры камней 50х43 и 43х37 см. Уже после доклада я натолкнулся на фото фрагментов в музее, присланных в 1909 г. из Владикавказа Я.Медведевым Е.Такайшвили. На этих фото надписи читаются в некоторых местах еще полнее. Как видно по вложенной в сопроводительное письмо беглой записки, Е.Такайшвили в основном читал текст так же, как и у меня:

67. Г.Гамбашидзе. Тезисы докладов, 1971.

68. Отмечу, что по моему докладу мне было позднее подтверждено - наблюдение по букве "А". Именно наличие поднимающихся вверх концов верхней горизонтали ее в памятниках грузинской чеканки начала XI века имеет параллель, по привлеченным Р.Шмерлинг примерам и в инициалах рукописей этой эпохи. И Л.Мухелишвили тоже считает начертание крупных четких букв более отвечающим XI веку, нежели XII-XIII векам; он же предлагает видеть в "патриархе Востока Мелхиседека" - известного грузинского деятеля первой трети XI века католика Мелхиседека.

69. Е.Крупнов, ук.соч., с.122, упоминает во множественном числе надписи на фрагментах постройки, лежащих внутри храма.

70. Среди различных надписей грузинскими буквами, которые стали известными по находкам в Ингушетии и которые опубликованы в чтениях А.Шанидзе, имеется значительное число таких, которые "составлены не на грузинском языке и означали, быть может, ингушские собственные имена", Л.Семенов. Известия ИИК. II-III, 1930, с.383-388 и 370, 376, 377. А.Шанидзе относит одни ко времени "не древнее XII", другие - "не ранее XIII-XIV веков", на основании начертания букв. Надпись же по-грузински на глиняной плите в 6х7 вершков, приведенная у В.Миллера, МАК, I, рис.35 на с.21, мне не известно, где находится. Ср.ниже прим.90.

71. Эти камни (34х45 см и полный квадрат в 35х53 см) имеют также гладкую поверхность с орнаментом, стоящую, примерно под наклоном в 50°. Ширина орнаментированной полосы 27 см. Она имеет только с одной стороны (сверху ?) валик жгутом, с другой же - камень гладко отесан.

72. Расчистка Л.Химшиашвили выявила иные данные в капелле: из абсиды обхода широкая ниша (?) и в южной ее половине небольшая ниша, а из северной стены небольшая ниша (?). Внешний контур капеллы не выявлен, как и примыкающая южная стена.

73. МАК, I, рис.11, ср.текст сг.16-17, В.Миллер пишет о склепе так, что скорее нужно думать, что он находился не в капелле. Но на плане М.Энгельгардта именно в капелле показана с запада лестница.

74. Что ребра встроены и частично просто были примазаны к стенам, где стены хорошо сохранились, отчетливо прослеживается по северной стене у всех трех ребер, а по южной - у крайнего западного. Обмер Л.Химшиашвили тоже не уточнил вопроса: какого сечения были застроенные пилястры, поэтому он условно их нанес пунктиром на плане.

75. М.Энгельгардт застал большое число висевших на таких балках бараньих черепов (Reise... с.239)

76. В статьях И.Щеблыкина, содержащих богатый фактический материал по архитектурным сооружениям старой Ингушетии, мы находим этому подтверждение почти в каждом обследованном памятнике, см.Известия ИИК, I и II, III Владикавказ, 1928 и 1930 гг. Аналогичные ребра внутри продольного зального помещения встречаются довольно часто, даже в очень небольших по площади зданиях; иногда они тоже встроены в готовое помещение. Назначение их явно облегчить условия поддержания свода. Яркие примеры: Галь-иерди, Известия ИИК: II-III, с.422 и рис. на с.444; Делите, Известия ИИК, II-III, рис. на 417; затем Тумгай-иерди, Известия ИИК, IV, вып.2, 1935, стр.152-153; а также планы. Известия ИИК, II-III, на с.443-444 за №3,5,7,8,9,10,11,13 и 14; ср. Л.Семенов. Известия ИИК, II-III, с.369 и 389. Снятые углы встречаются также в Делите, вну гренний вид: Известия ИИК, II- III, с.417 и с.418; Известия ИИК II-III, с.437. Ребра эти, как и продольные стены, имеют обычно легкий наклон во внутрь здания; там же, где начинается сильная кривая кладка идет напуском камней, то есть ложным сводом, Известия ИИК, II-III, с.415; Маги-иерди, Известия ИИК, II-III, стр.417-420; Галь-иерди, там же, с.422; Дзорах-Дэла, там же, с. 124; там же, Дош-Кале, с.427; Эрдзели, там же, стр.428; Мекал, там же, с.429. Это же характеризует все башни сплошь - Известия ИИК, I, с.р.271-281; В.Миллер, МАК, I, табл.Н, и рис.38, 39, 42, 43, 51, табл.XIII Таким напуском образованные арки (и своды) имеют стрельчатую форму и часто не сведены в стрелку, а имеют, как в Ткоба-иерди, разрыв, который сверху плоско перекрыт отдельным камнем: Галь-иерди, Известия ИИК, II-III, с.422; Дош-кале, там же, с.427 с разрывом в 24 см и с.430; Мятцил, там же, с.435, см.разрез святилища Мятцил у Н.Щеблыкина, Известия, ИИК, I, с.23. и балки, как отмечено, протянуты от ребра к ребру или в полосе перекрытия, частое явление: Магиерди. Известия ИИК, II-III, с.420; Галь-иерди, там же, с.422; Дзорах-Дэла, там же,с.424; Бархин; Эрдзели, там же, с.428; Цеилам, там же, с.450; Соска-Солси,там же, с.451; Морч-Сели, там же, с.454; ДикСели, там же, с.57; Тумгой-иерди, Известия ИИК, IV, вып.2, сс.,152-155.

77. По-видимому (считая с востока), только за первой парой ребер уцелели значительные части наружного покрова стен внутри здания, но все-таки и они при ремонте настолько сильно подмазаны, что точные границы древних частей можно узнать лишь условно. Первое

и второе ребро при южной стене так слиты с последней, что факт восстановления ее в этих местах от пола можно считать несомненным.

78. На плане Нико Чубинашвили, 1941 года это утолщение показано дополнительной линией.

79. Такое узкое окно “треугольником” имеется в святилище Цейлам. Известия ИИК, II-III, с.431 и рисунок; встречается и в башнях, Вс.Миллер, МАК, рис.57; ср.такой же формы нишу на столпообразных святилищах Аушасели и Эрзи, Известия ИИК, II- III, рис.на с.438 и 440. Как отмечает Н.Щеблыкин, Известия ИИК, II-III, с.446, такой же формы окна им замечены и на двух небольших церквах-святилищах горной Грузии, именно, в сел.Млети.

80. Н.Щеблыкин. Известия ИИК, II-III, с.415.

81. Кладка фасадов, к сожалению, не передана на чертежах Л .Химшиашвили, а заменена условной, беспорядочной, не передающей реального вида ни древней, первоначальной, ни ремонтной, починочной кладки. В этом отношении макет подчеркивает особенности кладки, как это можно видеть из сличения с натуральным фото.

82. Но и в остальной части фасада, кроме восточной четверти, заметны отдельные починки кусков плоскости, которые при всем внешнем единообразии все-таки на месте удается выделить среди кладки, сложенной как бы рядами из камня, благодаря заполнению мелким камнем вразброд. Восточный же конец южного фасада (меньше одной четверти общего протяжения равной той части, где имеются проложенные из слоистого темного камня линии), несомненно, уцелел без поновлений от возведения храма.

83. Мелкие починки булыжным камнем можно, кажется, отметить в верхней части восточной половины северного фасада и плотную, густую, без раствора кладку из слоистого плитняка в верхней части западной половины. Низ северного фасада главного храма, как и южного, закрыт землей на высоту метра полтора-два.

84 Сейчас на месте этого соединения трещины проходят на всю высоту по северному и по южному фасадам.

85. Недаром сюда собраны обломки как древнего карниза с мотивом арок Джварского типа; фрагменты орнаментированных арок входа и др. Частью пришлось их даже подтесывать, чтобы поместить.

86. Воспроизведено и на макете.

87 Н.Марр. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов Святым Григорием, Арабская версия. Записки Восточного отделения русского археологического общества, XVI, СПб., 1903, с.136- 137, о дате см.132; Н.Марр оставил нераскрытым это название; Н.Адонц. Армения в эпоху Юстианиана. СПб., 1906, с.328, предложил читать "в страну дурдзуков", а И.Джавахишвили История грузинского народа (на груз.яз.), 1, Тбилиси, 1928, с.174 примечание, прямо идентифицирует с Дурдзукетией, страной чеченцев. Это толкование принято А.Генко. Арабский язык и Кавказоведение. Труды института Востоковедения, XXXVI, 1941, с.82-83.

88. Вс.Миллер, МАК, I, стр.5. Н.Щеблыкин, Известия. ИИК. с.413-414, 442. Л.Семенов. Известия ИИК, I, с.202 и 203.

89. Е.Такайшвили. Археологические экскурсии, разыскания и заметки, с.56. Д.Бакрадзе. Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис, 1875, с.129, 146. Пл.Иоселиани. Душет. Записки Кавказского отдела географического общества, V.

90. Такое мнение высказал А.Шанидзе при ознакомлении с надписями на кувшинах и на одном надземном склепе Ингушети, см.Известия ИИК, II-III, с.385-387. Отмечу здесь, что акротерная черепица от кровли на Ткоба-иерди с мотивом древа жизни и с надписью грузинскими буквами, но не словами, происходит, я полагаю, от древнейшей постройки, т.е. VIII-IX века. Опубликовано недавно Г.Читая в статье: Мотив “Древо жизни” в лазском орнаменте (на груз.языке). Известия ИЯИМК, X,Тбилиси, 1941, с.312-313, рис.4, где она условно датирована XIII веком. До этого была воспроизведена в статье Л.Семенова, Известия ИИК, II-III к с.385, где грузинская надпись дана в чтении А.Шанидзе, ჯვრისხეილი или как ჯვრისხეილ. Ср.еще Известия ИИК, IV, вып.2, с.189.

91. Об этом псалтыре упоминает и А.Генко, ЗКВ. с.737-738, получивший рукопись для определения через Н.Марра - он относит ее к XI-XII веку; ныне хранится в Музее в г.Грозном.

92. Ср. обстоятельства приобретения рукописи Г.Вертеповым, Терский сборник, 1903, с.118; пересказаны и у А.Генко, ЗКВ, с.737.

93. Так, например, А.Генко, ЗКВ, 1930, с.721; а в примечании он приводит (по Христиановичу) "особый и редкий случай, где целый ряд подчинен другому". Такого же, как А.Генко, мнения и И.Бороздин. В горной Ингушетии, журнал Новый Восток, №20-21, Москва, 1928, с.313.

И даже, по-видимому и Л.Семенов, Известия ИИК, 1У, вып. 2, Грозный, 1936, с.147-149, где также, как и у А.Генко, приводится материал, ограничивающий положения автора.

94. Картлис Цховреба. Список царицы Марии, издание Е.Такайшвили, Тбилиси, 1906, с.527-528,*720. Картлис Цховреба, I издание М.Броссе, СПб, 1849, с.333.

95. Картлис Цховреба, изд. Е.Такайшвили, с.587,*760. Картлис Цховреба, I изд. М.Броссе, с.357. М.Броссе, перевод на французский язык Картлис Цховреба, СПб, 1850, примечание на с.510 и по А.Генко, ЗКВ, У, с.728, прим.1, - это было в 1234 году.

96. Старик этот перечислял и те, и другие селения; я тогда не придавал этому значения и не записал, Вс.Миллер, МАК, I, с.17, отмечает, что "четырьмя образуемыми арками, отделениями церкви местные жители воспользовались оригинальным образом, поделив их между четырьмя аулами - в первом отделении справляли праздник Яулинцы, во втором - Акальцы, в третьем -Хамхинцы, в четвертом - Таргинцы".

97. Связанность и этой поздней архитектуры башен в Ингушетии и в Грузии подтверждается наличием одинаковых форм, частных конструктивного и декоративного порядка, наконец, сравнительно высокими требованиями к качеству, отмеченными в более древних из Ингушских башен всеми исследователями. Иллюстративный материал опубликован, правда, в очень малой мере, меньшей, чем собрано. Ср.последнюю публикацию М.Джандиери и Г.Лежава. Архитектура горных районов Грузии. Москва, 1940 (особенно рис.Х, с.20-22, 46) и замечания И.Щеблыкина. Известия ИИК, I, с.280. Что же касается попытки Б.Плэтшкэ (Dr.B. Pleatschke. Die Tschetschenen. Veröffentlichungen des Geographischen Institutes der Universität Königsberg i Pr., Heft XI, Hamburg, 1929, особенно с.67 и слл.) определить распространение в пределах Кавказа, то она страдает внешним подходом, учитывая засвидетельствованные в литературе случаи и упуская из виду историческую смену культурных явлений в отдельных районах. Автор пробует использовать для вопроса о "происхождении башенной культуры" сведения Ксенофонта и Витрувия (с.71 и слл.).

98. Поэтому я бы не считал правильным говорить о "влиянии испытанном ингушским народом в его прошлом" со стороны Грузии, А.Генко, ЗКВ, V, с.727.

99. А.Генко. Указ.соч., с.721.

100. Отношение за №OI/II80 от 12 апреля 1941 года, полученное в Академии наук Грузинской ССР 15 апреля.